

Кайркелды Руспаев

*Горький
аромат
фиалок*

Роман. Том третий

Кайркелды Руспаев

Горький аромат фиалок.
Роман. Том третий

«Издательские решения»

Руспаев К.

Горький аромат фиалок. Роман. Том третий / К. Руспаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837424-1

Главные герои романа все же достигли своих целей. Вопрос только в том, какой ценой они достались. И к чему в результате каждый из них пришел.

ISBN 978-5-44-837424-1

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь продолжается	6
1	6
2	13
3	19
4	23
5	27
6	36
7	42
8	46
9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Горький аромат фиалок

Роман. Том третий

Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7424-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь продолжается

*«Но даже обманув себя,
мы обмануть не сможем Бога»*

И. Тальков.

1

И вновь вернулась осень. Но, в отличие от своих предыдущих сестер, нынешняя оказалась плаксивой. Который уже день льет дождь непрерывно. Существуют только два времени суток – сумеречный день и темная ночь. Холодная сырость господствует везде – дома, в офисе, на стройплощадках.

Бекхан приподнял голову и, взглянув с неудовольствием на серое окно, вновь зарылся с головой под одеяло. Вставать не хотелось. Но и спать тоже. Майра возилась в своей спальне – теперь они имели каждый свою спальню. Не то, чтобы они были в ссоре. Нет. Просто в последнее время у Бекхана не было желания изображать из себя любящего, верного супруга. Нет, Майре не стало известно о его любовной связи точно. Она догадывалась, конечно, кое о чем, но Бекхан не позволял ей лезть в свои дела на стороне.

Теперь Бекхан проводил с Виолеттой одну ночь из трех – Майра молчала. Она попросила однажды устроить сцену ревности; это произошло в тот день, когда она нашла пачку презервативов в барсетке Бекхана. Он как раз вернулся после прекрасной ночи, проведенной со своей любовницей. Надо сказать, Виолетта превращалась в настоящую женщину; если раньше она отдавалась Бекхану без каких-либо ярко выраженных эмоций, то теперь входила, что называется, во вкус, и у нее начали проявляться первые признаки оргазма.

Бекхан сейчас был на самом пике мужских сил; он переживал второе пришествие сил. За ночь он делал три, а то и четыре «захода» на свою любовницу. Но презервативы он держал не для нее. Она с самого начала заявила, что не хочет никакой искусственности в их любви.

– Пусть все у нас будет настоящим, – сказала она, – Я не хочу, чтобы между нами было что-то.

– Но ты можешь забеременеть, – предупредил Бекхан.

– Пусть. Я хочу иметь ребенка от тебя. От кого же мне его иметь, как не от любимого человека?

Бекхан не знал, как возразить ей. Он прижал ее к себе и с чувством расцеловал. И они больше не возвращались к этой теме, хотя Бекхан и понимал, что зарождение ребенка принесет с собой проблему – нужно будет решать, как-то оформлять их отношения. Владимир Иванович уже знает почти все об их связи, но, если Виолетта забеременеет, придется просить ее руки, и тогда предстоит трудное объяснение с ним. Но пока это не случилось, и Бекхан старается не думать о будущем.

«Будь, что будет! А там посмотрим...», – так можно выразить его настроение.

Да, презервативы он держит не для близости с Виолеттой. Время от времени Аликеев устраивает оргии на четверых; правда, Карина больше не участвует в них. Вместо нее Марина приводит смуглянку Камшат. Смуглость ее зашкаливает за все приемлемые нормы – ее можно было бы принять за мулатку, если не знать, что родом она из дальнего аула. Камшат плохо, очень плохо говорит по-русски; она, можно сказать, нецивилизованная; но зато очень хорошо разбирается в искусстве любви. И темперамента ей не занимать.

Аликеев понял, что не соответствует ее запросам после первого же опыта. И он благоразумно уединился с привычной Мариной, предоставляя Камшат Бекхану. И Бекхану сто-

ило больших сил справиться с бешеным темпераментом страстной девушки. Но ему было интересно с Камшат – она внесла свежую, неизведанную струю в его жизнь. Она была непосредственной в своей ограниченности. Это была натуральная самка – ее накорми, как следует, одень в хорошую, добротную одежду и дай удовлетворить животные инстинкты. И все! Ничего больше ей не нужно.

Если Карина с Мариной строили какие-то планы, учились, участвовали в модельном бизнесе, и отношения с Аликеевым им нужны были, чтобы подпитывать эти планы финансами, то Камшат пошла на это не задумываясь, только из-за того, что могла существовать как самка в полной мере. Казалось, что и деньги, сами по себе ее не интересуют, хотя вряд ли можно представить женщину, не интересующуюся деньгами.

Кроме Камшат и Виолетты, Бекхан спал, хотя и редко, еще с одной женщиной. Он поддался домогательствам Аллы Колосовой – бухгалтера расчетного стола из офиса «Мотивации». Он оставался заместителем Владимира Ивановича, и ему приходилось бывать в офисе фирмы. И каждый раз его подкарауливала Алла Денисовна. Бекхан не мог бы объяснить даже себе, как это произошло, но в одну прекрасную ночь он все-таки оказался в ее постели. Да, она не разочаровала его, она была еще молода, и еще не успела растратить своих женских сил. Но и ничего выдающегося из себя она не представляла. И, конечно же, никак не смогла бы конкурировать, ни с Камшат, ни, тем более, с Виолеттой.

Но проходило какое-то время, и Бекхан ощущал настоятельную потребность в ласках своей бухгалтерши. И он звонил ей, и они оказывались в ее квартире, и на эту ночь Алла Денисовна отправляла детей к своей сестре.

Бекхан думал иногда, что толкает его к этой непонятной, и вместе с тем самой обычной женщине простая жалость. Да, он жалел молодую вдову, и получал удовлетворение оттого, что каждое свидание с ним делает ее чуточку счастливой. Но ведь его тянуло к ней, к ее незатейливой постели в ее обычной квартире. Почему? Он не знал ответа на этот вопрос. Возможно, ему недоставало тихого, обычного счастья в кругу простой, незатейливой семьи? Ведь ни одна из его других женщин, – ни Виолетта, ни Камшат, ни тем более Майра, не довольствовались, в общем-то, тем минимумом, что он дарил Алле Денисовне. Ее квартира была той пресловутой тихой пристанью, где он мог ничего и никого из себя не изображать. Он там просто отдыхал душой.

Но и хлопот Алла Денисовна ему доставила. Она не смогла утерпеть и похвасталась перед коллегами своей «победой» над Бекханом Кенжеевичем. И представила доказательство своего «подвига» – Бекхан неосторожно согласился сфотографироваться с ней. Ну и спустя некоторое время об этом узнала Виолетта. Эта фотография оказалась в ее электронном почтовом ящике с соответствующим текстом. Но мудрая девушка ничего не сказала своему любимому. Что бы ни делал он, она принимала как должное. Решил он связаться с вдовой – значит, были веские причины. Значит, он не мог поступить по-другому. Но так решил ее разум. А ее душа...

Бекхан сразу почувствовал неладное – в отличие от него, Виолетта не могла владеть собой. Он расспрашивал ее об изменении отношения к нему, спрашивал, что произошло, и она показала ему то фото.

Бекхан мог бы придумать что-нибудь оправдывающее, изобрести какую-нибудь историю о прошлой любви к Колосовой. Но он честно рассказал все об отношениях с ней.

– Прости меня, Вета, – сказал он, – Я понимаю, что очень виноват перед тобой. И вряд ли ты поймешь меня в этой... безобразной, по твоему мнению, истории. Но это – простая человеческая жалость. Сострадание. Мы видим на улице попрошайку и даем ему деньги, которые так необходимы нашим близким, нашей жене и детям. Вроде бы тем самым мы в чем-то изменяем им. Ведь они недополучат эти деньги. Но мы рассказываем об этом акте милосердия им, и они понимают нас, и им и в голову не придет обвинять нас в чем-

то порочном. Но несчастным нашим соотечественникам не хватает иногда не только материального, им недостает душевного отношения, нашей ласки. Мы проходим мимо сироты, может быть, лишь бросив в его ладонь мелочь, а ведь как ему хочется, чтобы вы просто погладили его по голове и сказали что-нибудь приветливое. Совсем немного ему нужно, но мы отказываем ему в этом, руководствуясь какими-то нелепыми понятиями о приличиях. То же самое взрослые одинокие люди, особенно, женщины. Такие, как Алла Денисовна. Она стала вдовой слишком рано. И у нее практически нет шансов выйти замуж вторично – с пятью ребятишками на руках это нереально. Но ведь она еще молода! Ей нужен мужчина, ей нужны его ласки, его внимание, совсем немного, пустяк, медяк! Но и этого медного гроша ей не получить, потому что это будет квалифицировано, как измена, как разврат. Но я думаю, что ты поймешь мой порыв и не назовешь меня изменником или развратником.

Вместо ответа Виолетта прильнула к нему и зашептала горячие слова извинения. И их с Бекханом отношения выправились, и она еще больше, еще сильнее полюбила его.

Но Майра не Виолетта. Она попробовала устроить сцену ревности. Видимо она чуяла запахи чужой женщины и прежде – животные инстинкты остались с нами, они никуда не делись. Но тут вещественное доказательство, улика. Она растолкала успешного заснуть Бекхана, и, держа в одной руке барсетку, а другой тыча пачкой дорогих презервативов ему в нос, закричала:

– Что это такое, Бекхан?!

И тут же побледнела – лицо ее мужа перекосила яростная гримаса. Он резко вскочил на ноги, и, вырвав барсетку и презервативы из ее рук, грубо ее оттолкнул.

– Заткнись! – рявкнул он, – Это тебя не касается!

Майра опешила от такого обращения, и попыталась продолжить разборки. Но Бекхан не дал ей раскрыть рот.

– Я тебе сказал: заткнись! – гаркнул он еще раз. Глаза их встретились, и Майра поняла, до нее дошло, что имеет дело не с тем, прежним Бекханом, который мог снести все. Теперь на нее глядели жесткие, даже жестокие глаза, без намека на снисходительность. И она прикусила язык.

С тех пор в их доме окончательно установилась тишина. Майра занималась домашними делами, если не каталась по городу, навещая одну новую подругу за другой, отправляясь вместе с ними в поход по магазинам и салонам. Она принимала каких-то важных, по ее понятиям гостей – Бекхан не вмешивался. Лишь бы не мешала, не лезла в его дела, не доставала расспросами о том, где и с кем он проводит свое время. Главное, он регулярно подбрасывает деньги – чего же еще ей надо?

Однажды она заявила:

– Мне нужен капитал.

Чем очень удивила его.

– Капитал? Я не ослышался? – спросил он.

– Нет, не ослышался. Я хочу завести свое дело – открыть пекарню.

Бекхан пожал плечами. А почему бы ей и не заняться делом? Все же какая-то польза. И ей, и всем остальным. Свой бизнес – это, кроме всего прочего, еще и дополнительные деньги. И, в случае чего, Майра с детьми не будут бедствовать. Мало ли что может случиться с Бекханом. Тем более, что он стал главарем самой крупной бригады Аликоева, контролирующей центральные районы города, крышевавшей самые доходные объекты. Как то: казино, рынки и торговые центры. Державшей самые денежные притоны.

Бекхан понимал, что стал в какой-то мере мишенью, и, хотя старался не думать о смерти, тем не менее, брал меры личной безопасности. И думал о том, что может статься с его семьей в случае его внезапной гибели. Он открывал счет за счетом в разных банках

на имя жены и детей, покупал драгоценности, которые хранил в хранилищах тех же банков. И вот теперь поддержал идею Майры. Мало того, решил открыть пару торговых точек в разных концах города. Приобрести их помогли чиновники из акимата – не зря же он завел обширные знакомства.

Под его началом в новом качестве – бригадира, бугра, были молодые ребята почти одинаковой внешности – бритые наголо или с короткой стрижкой качки, с надменными взглядами, которые они старались спрятать за темные очки. Но, конечно, по своей сути они все были разными. Он подошел, и к ним, и к своей новой работе, как всегда добросовестно. Он старался разобраться с особенностями характера каждого члена бригады, с привычками и образом мыслей, и обращаться с каждым из них соответственно этим особенностям.

Аликеев же не считал нужным вникать во внутренний мир своих подручных. Он сказал как-то:

– Ты слышал о таком понятии – «черный ящик»? Нет, это не то, что ищут после авиакатастрофы. Любой прибор, например, стиральную машину, можно рассматривать как черный ящик. То есть, большинству людей не требуется знать, как эта машина устроена, что у нее внутри, как действует ее механизм. Это дело специалистов. Потребители должны знать об общем назначении прибора и должны уметь пользоваться внешним пультом управления. Так и с людьми в нашем подчинении – знай, за какой рычаг дернуть, на какую кнопку нажать, и они будут исправно служить. А дадут сбой, откажутся работать... так ведь всегда можно сдать такой «прибор» в утиль.

Бекхан тогда усмехнулся про себя – да, в общем-то, босс прав. Каждого из нас можно направить в нужную сторону, дернув за рычаг нашей алчности или нажав на кнопочку страха.

Но он решил, что поступит со своими парнями немного по-другому. Он решил, что с ними нужно работать и работать. Да, они все поднаторели в своем нелегком деле, несмотря на свою молодость. Они знали, как нужно выбивать деньги из несговорчивых коммерсантов, как разговаривать с банкирами и государственными чиновниками, как строить отношения с правоохранительными органами. Они умели хорошо драться – многие из них имели даны и пояса по единоборствам; они хорошо стреляли, и умело обращались с ножом, дубинкой или чакками. Все это они умели. Но, Бекхан счел, что этого мало. Эти его новые подчиненные не владели самым главным – искусством думать.

Однажды Бекхан собрал их и сказал:

– Был налет на «Арман». Взяли кассу. Мне только что позвонил босс. Он приказал достать налетчиков хоть из-под земли.

«Арман» – это самый крупный супермаркет города. Молодчики Бекхана засобирались.

– Куда вы собрались? – спросил Бекхан.

Парни уставились на него вопросительно.

– Ну, что вы так на меня смотрите? Я спрашиваю – куда вы собираетесь?

– Как куда? – вскинулся Болат, самый сообразительный и шустрый из парней, – На разборки.

– Это понятно, что на разборки. Только я спрашиваю – куда на разборки? А главное – с кем разборки?

– Как с кем? – недоумевал Болат, – Вы же сами сейчас сказали – босс приказал разобратся с налетчиками.

– Да, но этих налетчиков еще нужно найти. Ведь мы не знаем, кто это сделал. Возможно, что это и не местные. По некоторым признакам к нам пожаловали заезжие гастролеры. Но и это только предположения. Так я спрашиваю вас – куда мы сейчас поедem? И что будем делать?

Ребята Бекхана пожимали плечами, переглядываясь меж собой. Бекхан оглядел их всех, затем сказал:

– Давайте сядем и обмозгуем все как следует. Конечно, думать вроде бы должен я. Но и вам не мешает пораскинуть мозгами. Не всегда рядом будет бугор. Или босс. Вы должны уметь не только бряцать оружием и играть бицепсами. Пошевелить извилинами тоже не помешает. Вот налет. Его не было. Это учебная тревога. Но такое может случиться. Мы – надежная крыша, и местные ребята сто раз подумают, прежде чем отважатся на такое дело. Но народ сейчас пошел такой – всякое может быть. Да и заезжают к нам гастролеры. Они как думают? – сорвали куш и смылись. А мы должны доказывать, что не зря едим свой хлеб. Мы должны при любом раскладе сказать – здесь мы хозяева. И что никому не дадим отобрать этот самый хлеб. И подопечные наши должны быть уверены – крыша наша надежная и она никогда не протечет.

А теперь подумайте и ответьте – что бы мы предприняли, если бы налет на «Арман» не был моей выдумкой?

Ребята вновь начали переглядываться. Болат сказал:

– Нужно установить, кто совершил налет. И где эти налетчики находятся.

– Хорошо! – воскликнул одобрительно Бекхан, – И каким образом нам это установить?

Болат замялся. Все взоры обратились к нему. Бекхан усмехнулся.

– А чего вы все ждете от Болате? Разве только он должен думать? Вот ты, Дима, скажи, как нам установить местонахождение этих самых налетчиков?

Дима пожал плечами. Бекхан не отрывал от него глаз, и тот ответил недовольно:

– Откуда я знаю! По-моему, этим должны заниматься менты. Это их работа.

Бекхан кивнул.

– Да, случись такое на самом деле – в первую очередь будет сигнал в полицию. Опера будут заниматься ограблением. Конечно. Это их хлеб. Но это нас не касается. Поймают они налетчиков или нет, нас не интересует. И если будет налет на какой-нибудь не наш объект, я и бровью не поведу. Но раз хозяева «Армана», «Кристалла» или «Пиковой дамы» платят нам за крышевание, то мы никак не можем оставаться в стороне. Эти точки кормят и поят нас, и если каждый дурак будет безнаказанно опустошать тамошние кассы, то грош нам цена. Это так. Поэтому мы должны найти и наказать любого, кто попытается запустить руку к нашим деньгам. Или вы думаете не так?

Дима опустил глаза. Бекхан обвел глазами ребят. Никто не возражал.

– Ну, вот и хорошо. Я рад, что вы все такие понятливые. Теперь о том, как нам быть. Я считаю, что раз мы контролируем город, то мы должны знать, что в нем творится. Какие люди здесь обретаются, какие авторитеты, какие молодежные группировки и так далее. Кто, в какой связи состоит, кто сюда приезжает. Короче, мы должны знать все и обо всем. Мы должны владеть информацией. Информация – это все. Или почти все. А в данный момент город для меня – сплошное белое пятно.

Бекхан видел, что ребята заинтересовались. Он продолжал, обращаясь к Диме:

– Вот Дим, скажи – что ты будешь делать, если завтра кто-то обчистит твой дом? И вдобавок поиздевается над твоими домашними. Ты будешь сидеть и ждать, когда менты найдут преступника? Мол, это их работа?

Дима едва заметно порозовел. Он буркнул:

– Пусть кто попробует!

– Да, я знаю – вряд ли кто осмелится. Но все же – если не дай бог такое случится? Ты будешь ждать, пока менты разыщут твоих обидчиков и потом суд определит им наказание?

– Нет, конечно! Я сам их накажу!

– Но для этого нужно их найти. Ведь полиция может и не справиться с этой задачей. Такое случается иногда.

Дима вновь опустил глаза.

– Вот, парни. Чтобы быстро найти тех, кто вздумает обидеть нас или наших подопечных, нужно владеть информацией. А для этого у нас должны быть информаторы. Нам необходимо завести целую сеть агентов – осведомителей. Они должны быть везде – в молодежных группировках, среди блатных, среди проституток. И даже среди бомжей и бичей. Не мешает иметь агентов в тех заведениях, которым мы обеспечиваем крышу. Для того, чтобы совершить налет на такой хорошо охраняемый объект, как «Арман», нужно иметь наводчика. Если мы будем в курсе того, что происходит внутри них, в их коллективах, то легко сможем вычислить наводчика. А через него выйти и на самих грабителей.

Бекхан перевел дух и вновь оглядел ребят. Они все так же внимательно слушали его.

– Поэтому пусть каждый из вас заведет свою агентурную сеть – из друзей, из знакомых, из друзей знакомых, из знакомых друзей, из друзей братьев и из братьев друзей. Из соседей, из бомжей и бичей, ошивающихся в ваших дворах. Из шлюх, из кого угодно! Лишь бы эти люди снабжали вас информацией. Не за красивые глаза, конечно. Я буду выделять для этого бабки – чтобы завербовать этих осведомителей. И чтобы регулярно подпитывать их финансами. И отдельно – премиальные за нужную и достоверную информацию. Тут ставка будет определяться важностью сведений. Теперь о том, какая информация интересует меня в первую очередь. Какие блатные и авторитеты живут у нас? Чем они занимаются? Какие у них связи? Чем они живут, чем кормятся? Затем – молодежные группировки и подростковые банды. Кто, какой район и какую дискотеку держит? Кто где главарь? Затем – какие люди живут в прилегающих селах и поселках, как часто бывают здесь и с кем из местных блатных и авторитетов дружат? Затем – люди, работающие в тех точках, которые мы крышуем. Нужно подтянуть тех, кто умеет видеть и слышать, тех, кто осторожен и наблюдателен. Короче – мы должны обладать всей полнотой информации. И здесь нет мелочей. Иногда именно они бывают важной зацепкой. Вы поняли меня?

Парни закивали. Но Болат спросил:

– Значит, мы станем кем-то вроде ментов?

– Я понял тебя, – сказал Бекхан, – Вы считаете, наверное, что нам запахло быть похожими на ментов. А скажите – вы видели американские боевики? Заметили – там герои пытаются скрыться от мафии, но это им плохо удается. Беглецов мафия обнаруживает в многомиллионном мегаполисе за считанные часы. Как это ей удастся? А так – наши тамошние коллеги владеют информацией. У них достаточная сеть осведомителей. У их копов тоже есть осведомители, но агенты мафии работают более эффективно, потому что получают намного больше бабок, чем на эти цели выделяется из полицейского бюджета. И мы – я и босс, не пожалеем денег для такого дела. Только дело это нужно организовать с умом. Для этого нам всем нужно хорошенько поработать. Поработать головой. А теперь получите пока по сто кусков каждый на вербовку агентов. Я даю на это две недели – потом каждый отчитается в проделанной работе.

Парни завозились. Бекхан воззвал к тишине.

– Еще один очень важный момент – каждый держит своих агентов, свою сеть в секрете. Мы все здесь друзья и делаем одно дело. Но никто не должен знать ваших агентов – может быть, даже я. Все должно быть конспиративно. Это ваши агенты. Только чтобы информацию они поставляли достоверную. Мы не позволим водить себя за нос за наши же деньги.

Не прошло и месяца, а у Бекхана на столе лежала схема – на большом листе ватмана, исчерченном линиями и кружочками, значились имена и клички, так называемые «погоняла», уголовников и молодежных главарей, их связи, образ действий, привычки, особенности характера и поведенческих линий. Там же значились схемы, составленные агентами из подопечных заведений – кто какую играет роль в управлении тем или иным торговым

центром или предприятием, кто заведует кассами, кто – охранной сигнализацией. На тех схемах было обозначено все – вплоть до дружеских и любовных связей хозяев заведений.

Бекхан с удовлетворением отметил, что он, возможно, второй после заведующего базой данных полиции человек, заимевший всей полнотой информации. Теперь оставалось найти доступ к той самой базе данных – для этого ему нужно завести своего агента в полиции. Придется поднапрячься – этот агент будет его глазами и ушами в органах. И о существовании всей этой системы осведомителей будет знать только он. Пусть Аликеев думает, что Бекхан только натаскивает своих ребят в спортивных и тренировочных залах, в тирах и на тренажерах. Пусть он пока думает так...

2

Ученики Заманжол Ахметовича вернулись из столицы воодушевленные. Как же – их приняла сама министр образования. И обещала положить конец безобразиям Тирановой. Они вернулись каждый к своим делам – кто к учебе, кто к работе. А Шокан с Анарой решили пожениться. Шокан заговорил об этом с отцом.

– А не рано ли? – спросил тот, – Тебе еще предстоит служить.

– Нет, не рано, – отвечал Шокан, – Я уже взрослый. И потом, Анара беременна.

Папа Шокана изменился в лице.

– Что у вас за нравы! – воскликнул он. Но сразу замолчал, хотя хотел добавить еще что-нибудь резкое. Шокан пожал плечами, мол, нравы – как нравы. Разве удивишь кого-либо такими вещами в нынешние времена.

– Ладно, – молвил его отец более спокойно, – Что случилось – то случилось. Придется поднапрячься. Но я хочу сказать вот о чем. Вам бы не мешало выучиться, особенно тебе. Сноха что – она женщина, домохозяйка. Как ты собираешься кормить жену и детей, не имея никакой специальности?

– Поступлю на заочное, когда вернусь из армии. А пока буду работать.

– А кто будет содержать твою жену, пока ты будешь служить? Конечно, мы ее не оставим. Но ты должен понять, что, женившись, берешь на себя большие обязательства. Это великая ответственность, а ты относишься к женитьбе так легкомысленно.

Шокан закачал головой, не соглашаясь с отцом.

– Вовсе нет, – сказал он, – Я знаю все это. И мы с Анарой обо всем подумали. Мы будем пока жить у нее, с ее мамой. Пока. Вот отслужу, а там поглядим. Анара не останется на улице.

– Ну что ж, – папа Шокана вздохнул с некоторым сожалением, – Если вы уже все решили сами, без нас... только не понимаю своей роли – к чему ты затеял этот разговор? Что я должен сделать?

Шокан улыбнулся и обнял отца. Он сказал, словно извиняясь:

– Не обижайся, папа. Я хотел, чтобы вы с мамой знали обо всем. И хотел обрадовать тем, что у вас будет внук. Или внучка.

Папа хмыкнул. Обрадовал, как же! Свалились новые заботы – нужно провести сватовство, сыграть свадьбу. Шокан, конечно, не думает об этом.

– Ладно, мы подумаем, посоветуемся с родственниками. Нужно навеститься к сватам, засватать твою Анару по всем нашим обычаям. У нее есть отец? Маму-то ее мы уже видели.

– Нет, папы у нее нет. Погиб в автомобильной аварии. И родственников у них нет – родители у Анары – бывшие детдомовцы. Так что сватов никаких нет.

– А – а... – протянул папа Шокана, – Но сватовство все же нужно устроить. У Анары нет родственников, но у нас-то они есть. Да и свадьбу сыграть не мешает.

– Анара говорит, что никакой свадьбы не нужно – устроим небольшую вечеринку. Пригласим наших бывших одноклассников. Ну и Заманжол Ахметовича с женой.

– Да? – папа Шокана задумался. Потом спросил:

– Кстати, где он сейчас? Я слышал, что он уволился. Жаль – вроде бы хороший учитель.

– «Вроде бы!» – передразнил Шокан отца, – Заманжол Ахметович – самый лучший! Мы с классом ездили в столицу, и нас приняла министр образования. Она обещала восстановить его в школе и наказать нашу Дарью Захаровну.

– Вот как! Дай-то Бог. Если это произойдет, то я поверю в наше правительство. Значит, министры не зря едят народный хлеб.

Тем временем приехал заместитель министра образования. Он уединился с Тирановой в ее кабинете.

– К нам в министерство обратились ваши бывшие ученики – нынешний выпуск. Их приняла сама Сания Калиевна, – сообщил замминистра.

Дарья Захаровна изменилась в лице.

– Какой класс? – спросила она.

– Одиннадцатый «Б». Они ходатайствуют за своего классного руководителя, Енсеева Заманжол Ахметовича. Эти ученики считают, что его несправедливо уволили.

– Никто его не увольнял. Он сам написал заявление по собственному желанию. Я покажу вам это заявление.

И Тиранова полезла в шкаф, где хранились документы.

– Не надо, – сказал замминистра, – Я в этом не сомневаюсь. Но ученики сказали, что его вынудили написать это заявление.

Дарья Захаровна вернулась на свое место, и заговорила, уставив на собеседника свои холодные глаза с красными крапинками на белках.

– Никто его не вынуждал. Эти ученики ничего не знают. Енсеев выставился святошей перед ними, но он – самый настоящий развратник. Да. Он снимал несовершеннолетнюю проститутку.

Замминистра вскинулся. Тиранова с удовлетворением встретила его удивленный взгляд.

– Да, да! И проститутка та – его же ученица.

– Ученица?!

– Да. Такова нынешняя молодежь. Учителя снимают учениц, учительницы беременеют от учеников. Что касается Енсеева, то его поймали на месте преступления. Полиция проводила рейд, и задержала его в тот момент, когда он уже посадил в свою машину эту самую проститутку. Меня едва не хватил удар, когда мне позвонили из отдела по борьбе с проституцией.

– И что было потом?

– Потом? Пришлось мне выручать его.

– Каким образом?

– Я сказала полицейским, что Енсеев был прикреплен к неблагополучной ученице, и просто собирался отвезти ее домой.

– Но это было не так?

Дарья Захаровна отрицательно качала головой.

– Нет, конечно.

– Значит, вы ввели работников полиции в заблуждение.

На холодном лице Тирановой появилось выражение досады.

– Я была вынуждена это сделать. В противном случае разразился бы грандиозный скандал. Я должна думать о репутации школы. Вы, может быть, не знаете – в прошлом году наша школа была признана лучшей в области, а в этом году мы надеемся победить в республиканском конкурсе. Да что там школа! Речь шла обо всей нашей системе школьного образования. Подумайте – что было бы, если б это дело предали гласности? Пресса и телевидение постарались бы раздуть – как же, учитель снимает малолетку. И кого – свою же ученицу! Это могло дойти до президента. В каком положении оказалось бы руководство министерства? Я должна была подумать и об этом тоже.

«А эта Тиранова не промах, – подумал замминистра, – Спасала свою шкуру, а теперь преподносит себя нашей спасительницей. Нужно быть осмотрительнее с ней. Но и на голову нельзя посадить. Нужно поставить ее на место». И он сказал, сведя свои лохматые брови к переносице:

– Министерство само способно позаботиться о себе. Да, мы в ответе за каждое учебное заведение, за каждого преподавателя, за каждого ученика. И нам нет нужды скрывать что-то. А что касается вашего проступка, то я проверю все в вашем полицейском участке, и если подтвердится все, что вы сейчас рассказали, то оттуда я отправлюсь в прокуратуру. Да, Дарья Захаровна, мне придется сделать там заявление. Ваш проступок – уголовно наказуемое деяние.

Тиранова изменилась в лице. Наверное, этот замминистра держит ее за дурочку. Как бы не так!

– Вениамин Алексеевич, – сказала она холодно, – Не надо меня пугать. В полиции вы ничего не найдете – если уж там замяли дело, то замяли. А прокуратурой меня не испугать. Идите, делайте заявление – я скажу, что так оно и было – Енсеев был закреплен за неблагополучной ученицей и хотел просто отвезти ее домой и поговорить с ее родителями о моральном облике их дочери. И ваш Заманжол Ахметович, за которого вы так печетесь, подтвердит мои слова – он же не дурак, понимает, что сидеть дома лучше, чем в тюрьме. Хотя бы и без работы.

Замминистра залился краской. Ему показалось, что директриса дала ему пощечину. Он не знал, что сказать. Попыхтев недовольно, он заговорил вновь. На этот раз намного мягче.

– Дарья Захаровна, я понимаю вас – вы печетесь не только о себе. Да, репутация школы, и все такое прочее. Но, нам, педагогам, не к лицу говорить неправду. А уж вводить органы в заблуждение...

Дарья Захаровна криво усмехнулась. Началось обычное, то, чем всегда занимается начальство – нотации. Придется выслушать – ведь этому замминистра нужно что-то сказать. А тот продолжал:

– Нам нужно воспитывать не только доверенных нам детей. Все наши подчиненные, учителя – мы в ответе и за них. Если у вас завелся аморальный учитель – это ваш промах. Значит, плохо проводите воспитательную работу...

Дарья Захаровна слушала начальника с блуждающей улыбкой на лице. Наконец, замминистра закончил, и сказал:

– Ладно, что было – то было. Но что доложить Сание Калиевне?

И он уставился на собеседницу вопросительно. Та вновь усмехнулась.

«А это уже твоя проблема», – подумала она. Но вслух сказала другое:

– Скажите, что никто не выживал Енсеева. Что он ушел добровольно – не сработался с коллективом. А это правда – спросите любого учителя – все подтвердят, что отношения у него с коллегами были, мягко говоря, натянутыми. У него несносный характер. Он неуживчив. И учитель из него никудышный. Ему лучше разгружать вагоны.

Замминистра вспомнил слова учеников – «... если спросите учителей, то они не скажут правду... потому что они боятся Дарью Захаровну...». Он поверил теперь им – раз уж с замминистра она обращается так. Но он вынужден был согласиться с ней – нельзя министру передавать историю с ученицей – проституткой.

– Тогда сделаем так – вы напишете характеристику на этого Енсеева. И приложите к нему два-три отзыва от ваших учителей. От кого конкретно – вы сами решите. Не мешало бы и ученикам написать такие отзывы. Вы можете организовать это?

Он мог бы и не спрашивать – Дарье Тирановой это – раз плюнуть.

– Да я хоть сейчас готова пригласить любого учителя или ученика, и вы не услышите из их уст ни одного доброго слова о Енсееве, – сказала она. Но замминистра поспешил отклонить это предложение – не хватало, чтобы он выслушивал каждого учителя. Или ученика. Достаточно с него общения с директором.

– Я вам верю, Дарья Захаровна, – сказал он, – И мне некогда – мне еще нужно поговорить с этим Енсеевым. Сания Калиевна настоятельно рекомендовала встретиться с ним и обо всем его расспросить.

Дарья Захаровна картинно вздохнула.

– Он, естественно, постарается обелить себя. И облить меня грязью. Намекните, что знаете об истории с проституткой – это сразу остудит его пыл.

Замминистра ничего не сказал. Он отправился к Енсеевым.

А Заманжол в это время разгружал вагон со стекловатой. Это была самая неприятная работа – легче разгрузить два вагона с углем или цементом. Особенно досаждали партии этого стройматериала, не упакованные в полиэтиленовую пленку. Кристаллы стекла лезли за шиворот, вонзаясь в нежную кожу шеи и спины; в глаза и ноздри, вызывая нестерпимый зуд на коже и резь в глазах и слизистой. Но эта работа хорошо оплачивалась.

Казалось, – стекловате не будет конца. Заманжолу хотелось бросить работу и отправиться в бытовку, чтобы стать под спасительный душ. Но всегдашняя добросовестность и ответственность за взятую работу не позволяли сделать это.

«Кому-то ведь нужно разгружать эту вату, – думал он, – Не мне, так другому. Чем я лучше этого „другого“?»

– Заманжол, на выход! – услышал он голос одного из грузчиков, – К тебе пришли.

«Кто бы это мог быть? – подумал он, – Балжан? Что-то случилось?»

Выбравшись из вагона, он заметил хорошо одетого человека. Человек этот стоял под навесом пакгауза, но продолжал держать зонт над собой. Заманжол спрыгнул с вагона и пошел к пакгаузу, отряхивая робу на ходу. Подойдя, он поздоровался. Но руки не стал подавать.

– Здравствуйте, – ответил человек под зонтом на приветствие, а затем справился, – Енсеев Заманжол Ахметович?

– Да, – подтвердил Заманжол, вопросительно взглядываясь в незнакомца.

– Меня зовут Вениамин Алексеевич, – представился тот, – Я – заместитель министра образования. Нам нужно поговорить.

Заманжол удивился. Это что-то новое – замминистра интересуется его персоной. Что бы это значило? Но он сказал:

– Хорошо, я готов. Только тут не очень удобное место для разговора. Давайте сделаем так – вы подождите в своей машине немного – я должен закончить работу. Извините, что заставляю вас ждать, но работа – есть работа. К тому же деньги за разгрузку мы, грузчики, делим между собой поровну.

Замминистра соорудил недовольную гримасу. Не очень-то в этом городе церемонятся с высоким начальством. Заманжол заговорил с извиняющимися нотками в голосе:

– Да вы не беспокойтесь – я не задержусь. Минут пятнадцать – двадцать от силы. Мы уже заканчиваем разгрузку.

Замминистра кивнул и направился к своей машине.

– Я слушаю вас, – сказал Заманжол, подойдя к машине замминистра. Он закончил разгрузку и уже успел принять душ и переодеться в рабочей бытовке.

– Нам нужно поговорить о вашем увольнении. Садитесь в машину.

И после того, как Заманжол расположился рядом, продолжал:

– Заманжол Ахметович, почему вы написали заявление об увольнении по собственному желанию?

Заманжол вздохнул. Что ответить на это? И почему в министерстве заинтересовались его увольнением? И каким образом там стало известно об этом?

– А каким образом вам стало известно о моем увольнении? – спросил он, – Неужели министерство реагирует на увольнение каждого учителя?

– Вы не ответили на мой вопрос, – начальническим тоном напомнил замминистра.

– Извините. Просто я не ожидал, что моя судьба интересует заместителя министра образования.

– Нас интересует судьба каждого учителя и каждого ученика, – в том же тоне продолжал собеседник. И вновь вернулся к своему вопросу.

– Знаете, это долгий разговор... – начал Заманжол.

– А я, собственно, не спешу, – заметил замминистра, – Я должен разобраться во всем. Так почему вы уволились из школы? Неужели вас прельстила разгрузка вагонов?

Заманжол усмехнулся. Ему вспомнились его же слова о том, что разгружать вагоны легче, чем работать учителем. Он взглянул на замминистра и предложил:

– Вениамин Алексеевич, а поехали ко мне домой. Там и поговорим не спеша. Вы где остановились?

– Пока нигде. Я не собираюсь здесь задерживаться. Вот поговорю с вами, наведаюсь в вашу школу, и домой, в столицу.

– Ну, тогда погостите у меня. Супруга как раз дома. Там и поговорим обо всем спокойно.

«А он подмазывается, – решил замминистра, – Сейчас организует пышный стол – бешбармак, выпивка... обычная история. Нет, нельзя соглашаться».

– Извините, я не могу принять приглашения. Я нахожусь здесь по делу. Если не хотите беседовать в машине, можем отправиться в гороно.

– Нет—нет! – поспешил отказаться от этого предложения Заманжол, – Давайте поговорим здесь. Дело в том, что в нашей школе невозможно нормально работать.

Замминистра усмехнулся.

– Почему? – спросил он, – Не потому ли, что очень трудные ученики? Или ученицы – занимаются черт-те чем?

Заманжол насторожился. О чем этот замминистра?

– Что вы имеете в виду? Чем занимаются ученицы?

– Ну, например, выходят на панель.

Заманжол словно обдали холодной водой. Ах, вот оно что! Конечно, замминистра уже побывал в школе. Как же он не подумал об этом. И конечно, Дарья Захаровна постаралась. Заманжол заметил на лице высокого чиновника усмешку, больше напоминавшую ухмылку, и понял, что разговор с ним бесполезен.

– Значит, Дарья Захаровна вам все обрисовала? – сказал он, – Только вы очень ошибаетесь, если верите ее словам.

– Но я разговаривал не только с ней, – солгал замминистра, – Учителя отзываются о вас не очень лестно. И ученики тоже.

Заманжол кивал, опустив голову. А ведь он уже загорелся надеждой. Ведь он почти уже поверил, что в министерстве есть люди, которым можно все объяснить, поделиться с ними своими мыслями относительно всей системы школьного образования, рассказать о том, что творится в их школе.

– Если вам известно все обо мне, то зачем я вам? – сказал он, – Или разговор со мной нужен вам для галочки?

Заманжол попал в самую точку. Замминистра отвел взгляд. Он не нашелся для ответа. Прокашлявшись для порядка, он сказал, не глядя на собеседника:

– Давайте вернемся к моему вопросу. Почему вы написали заявление?

– Потому что у меня несносный характер, – Заманжол вкладывал в свои слова всю горечь испытанного разочарования, всю горечь очередной несбывшейся надежды, – Потому

что я неуживчив с коллегами. И аморален к тому же – не могу пропустить ни одну ученицу на панели. Что еще вам нарасказала Дарья Захаровна?

Замминистра пожал плечами. Он сказал:

– Вы сами подтверждаете ее слова. И теперь я убежден – вам и вправду лучше разгружать вагоны.

– Да, и я так думаю, – сказал Заманжол, собираясь покинуть машину, – Только жаль наших детей. Вам там, в министерстве, стоило бы думать о них хоть иногда.

Замминистра отреагировал весьма болезненно.

– Мы сами знаем, о чем нам стоит подумать!

– Конечно, конечно! – сказал Заманжол, открыв дверцу. Затем покинул машину, бросив напоследок:

– Прощайте! Привет министру.

3

Модернизация международного морского порта подходила к своему логическому завершению. Много уже сделано, но и предстоит сделать немало. Кантемир Всеволодович дневал и ночевал там, стараясь не сорвать график работ. Владимир теперь бывал там каждый день. Его уже не узнавали разве что новенькие сотрудники да прикомандированные из других подразделений компании, расположенных на других точках побережья острова.

Юрий Крымов взвалил на своих сотрудников дополнительное задание – прощупать всех акционеров компании и некоторых из директоров. Все, что добыли его подчиненные, Юрий тщательно вносил в базу данных. Вот, например, он доложил Владимиру Павловскому (тот уже изменил фамилию) о трех дочерях Цветова и о том, как владелец второго по величине пакета акций самолично участвует в их занятиях музыкой и камерным пением.

– Любопытно, – так отреагировал Владимир на это сообщение, – Никто бы не подумал, что этот щетинистый и вечно сердитый человек занимается музыкой. И что, – эти его дочери – участвуют в концертах?

– Оказывается, они должны дать сольный концерт в столичной консерватории. Сейчас их папаша усиленно готовит их к выступлению.

– М-м... и когда должен состояться этот концерт?

– На следующей неделе. Точнее, в следующую пятницу. Уже проданы все билеты – трио Цветовых завоевывает все большую популярность в столице.

Владимир ненадолго задумался. А потом сказал, а по сути приказал:

– Так! Мне нужны два билета на этот концерт. Вы можете достать?

– Не знаю... нужно попробовать.

– Юрий, это очень важно для меня... для нас всех. Вы должны достать эти билеты, не знаю как, но я со своей супругой должен попасть на этот концерт. Можете располагать моей личной кассой, я выделю любую требуемую сумму.

Владимир с Юлией сумели попасть на концерт. Трио дочерей Цветова выступило блестяще. Большой зал консерватории сотрясается от непрерывных аплодисментов после каждого их выступления. Счастливый отец сам аккомпанировал им и Владимир с трудом узнавал этого прежде хмурого мужчину, одевавшегося всегда немного неряшливо, в помятый костюм, а теперь сидящего за белым концертным роялем в смокинге.

Когда концерт закончился, Владимир с женой прошли за кулисы. Они вручили девочкам по пышному букету, и Владимир поздравил их и пожал руку Геннадию Аристарховичу. Видно было, что тот приятно удивлен. Он совсем не ожидал, что его главный противник посетит концерт, и тем более, – что он придет поздравить его и дочерей за кулисы.

– Поздравляю вас и ваших дочерей с таким грандиозным успехом! – Владимир тряс руку Цветову и тот смущенно улыбался, – Ваши девочки – супер! Их ждет большое будущее.

На это счастливый папаша отвечал так:

– Благодарю вас, Владимир Михайлович. Признаться, ваш визит явился для меня неожиданностью. Я даже не мог подозревать, что вы посвящены в мое, так сказать, хобби.

Владимир широко улыбнулся.

– Э-э, Геннадий Аристархович, если это хобби, то каким должно быть выступление профессионала? По-моему вы просто наговариваете на себя и на ваших дочерей. Нет, вы настоящий аккомпаниатор, а они (в этом месте Владимир повернулся к дочерям Цветова; рядом с ними теперь стояла их мать, с которой беседовала Юлия) профессиональные певицы. Правда, я не музыкант, но даже непосвященному это ясно.

Цветов поблагодарил его за теплые слова, а потом познакомил со своей женой. Тут подошли и другие поклонники и поклонницы таланта Цветовых, среди них два-три держа-

теля акций компании Павловских, а также, известные в столице люди – бизнесмены, политики, местные знаменитости – все они были приглашены на банкет по случаю такого грандиозного успеха. Приглашение получили и Владимир с Юлией. Таким простым способом Владимиру удалось, так сказать, проникнуть в круг родственников и друзей Цветова. Оказалось к тому же, что супруга Цветова, Варвара Леонидовна, была внучкой того самого капитана каботажного пароходика, на котором первый из Павловских прибыл на этот остров.

После того памятного концерта в консерватории Владимир с Юлией устроили прием в честь годовщины прибытия на остров Надежды. Были приглашены все директора и акционеры компании, сотрудники центрального и других офисов. Самое первое приглашение получили супруги Цветовы. Когда празднество было в разгаре, хозяин пригласил Цветова в курительную, и Геннадий Аристархович принял приглашение.

– Геннадий Аристархович, – начал Владимир, когда гость опустился на кресло и он сам сел на другое, – Я хотел бы предложить вам свою дружбу. Знаете, я был очень удивлен, когда узнал о ваших музыкальных способностях. Как-то так получается, что мы ничего не знаем об окружающих нас людях, и судим о них поверхностно. Поэтому-то и так много недопонимания среди людей. Вот вы...

Тут Владимир помедлил, делая затяжку и выпуская дым – Цветов внимательно слушал. Он был заинтересован этим приватным разговором, хотя, в общем-то, знал, о чем пойдет беседа.

– Вот вы. Ведь вы приняли меня в штыки вначале.

Цветов усмехнулся.

– Владимир Михайлович, – сказал он, перекладывая руку, лежащую на подлокотнике, – Я и сейчас готов принять в штыки ваше намерение изменить устав компании. Посудите сами – любой здравомыслящий человек на моем месте сделает то же самое. Почему акционер должен лишаться законных дивидендов? Хорошо, вы с Кантемиром Всеволодовичем убедили акционеров выделить средства на модернизацию. Да, я проголосовал против этой его затеи... и считаю, что можно было бы обойтись и капитальным ремонтом материальной части.

Он поднял руку, предупреждая, чтобы Владимир его выслушал до конца.

– Ладно-ладно! Я готов согласиться с тем, что модернизация назрела и была необходима. Хотя Шейхов завысил все пределы сметы – ведь она проделала такую брешь в бюджете. И как ее заделать? И кто это должен сделать? Акционеры. Опять же акционеры. Так почему вы считаете возможным раз за разом запускать руки в наши карманы? Почему мы, акционеры, должны платить за ваши идеи?

– Вы должны будете заплатить не за мои идеи, а за то, чтобы сделать сносной жизнь тех, кто ежедневно трудится для того, чтобы эти ваши карманы наполнялись регулярно.

– Эти люди трудятся для того, чтобы наполнить свои карманы, – возразил Цветов с недовольной миной на лице, которое приняло свое хроническое выражение, – Они получают за свою работу хорошие деньги. И если б они были немного бережливее и рачительнее, то смогли бы накопить на хорошее жилье сами, а не ждать подачек от акционеров.

Владимир закачал головой.

– Геннадий Аристархович, вы знаете, сколько стоит хорошее жилье в столице?

Цветов поднял на него свои холодные глаза. Он-то знал цену жилья в столице. Как знал и то, что нереально скопить такие деньги на зарплату портового рабочего.

– Есть банки, – сказал он, – Они предоставляют ипотечные кредиты.

– Конечно, можно приобрести квартиру в ипотеку, – согласился Владимир, – Но, во-первых, банки дерут такие проценты... я узнал, это просто грабительские кредиты. А во-вторых, чтобы отработать эти кредиты, рабочему придется горбатиться весь свой век на этот

банк. И всю эту жизнь над ним, как Дамоклов меч, будет висеть угроза конфискации квартиры. Согласитесь – это не жизнь, а сущий ад.

– Нет, Владимир Михайлович, не соглашусь. Миллионы наших сограждан пользуются услугами банков и ипотечных кредитов и живут вполне счастливо.

Владимир вновь закачал головой. Он уже начал догадываться, что ему не удастся убедить этого человека. Он только сказал:

– Я знаю, что мог бы убедить вас в том, что вы ошибаетесь, утверждая, что эти люди живут вполне счастливо, если б у нас с вами было время пройтись по всем квартирам, полученным в ипотеку. Но думаю, что этого и не нужно делать, ибо вы сами не верите в то, что сказали сейчас. Пусть каждый останется при своем мнении, а я все же доведу свое дело до конца и постараюсь изменить устав компании так, чтобы рабочие и служащие могли жить в хорошем жилье без того, чтобы оказаться в кабале у банкиров.

Цветов пожал плечами.

– Я не против того, чтобы рабочие и служащие жили в хорошем жилье не входя в кабалу к банкирам, как вы изволили выразиться, но я буду голосовать против изменения устава компании. В этом вы можете быть уверены.

– Хорошо, – сказал Владимир, поднимаясь и протягивая с улыбкой руку оппоненту, – Но это расхождение во мнениях не отменяет наших дружеских отношений, не так ли? Моя супруга очень лестно отзывается о Варваре Леонидовне и о ваших прелестных дочерях. У нас здесь не очень много друзей, чтобы терять расположение вашей семьи.

– О нет, что вы! – воскликнул Цветов с немного натянутой улыбкой, – Наши разногласия по поводу дел в компании не должны касаться наших дружеских отношений.

И он крепко пожал протянутую руку.

Владимир понимал, что это рукопожатие ничего не означает. Все осталось на своих местах – Цветов ни на йоту не отступился от своей позиции в вопросе изменения устава компании. И не отступится. Так что этот тактический ход с посещением концерта трио Цветовых оказался холостым выстрелом.

Если б он знал, каким результативным оказался этот ход! Но все это в будущем, а сейчас ему нужно придумать что-то другое, чтобы выиграть в предстоящем голосовании за поправки в устав компании.

Шейхов усмехнулся, узнав из уст Владимира о беседе с Цветовым.

– Неужели ж вы так наивны, Владимир Михайлович, что думали уломать Цветова таким легким способом? Для таких людей «дружба – дружбой, а табачок врозь».

Владимир молча кивнул. Шейхов потом поинтересовался:

– Вы еще не отказались от своей идеи?

Владимир вскинулся.

– Нет, конечно!

– Тогда что вы еще предпримете?

Владимир бросил на собеседника быстрый взгляд. У него есть одно соображение, есть еще один тактический ход, но он убежден – Шейхов никогда не одобрит его.

– Вы ведь знаете, Кантемир Всеволодович, – начал он осторожно, – Что я сделал свою жену и кузину совладельцами контрольного пакета. Но это еще не все. Теперь я хочу передать им их доли вполне официально.

– Что-о?! – Шейхов аж взвился!

– Мне нужны их голоса в предстоящем голосовании за поправки в Устав.

Несколько секунд оба молчали. Наконец Шейхов заговорил.

– Владимир Михайлович, я вас прошу... умоляю – откажитесь от этого рокового шага. Ваша кузина никогда не проголосует за ваши поправки. Напротив, она использует свой голос

против этих поправок, она использует свою долю против вас. Вы рискуете потерять контроль над компанией.

– Нет, Кантемир Всеволодович, кузина всецело поддерживает меня. К тому же между нами заключен договор о взаимодействии. Ведь она все же Павловская.

– Вот именно – она Павловская! Простите меня, вы тоже принадлежите к этому роду, и должны бы знать, что Павловские не любят быть зависимыми от кого бы то ни было. Сейчас Надежда Романовна делает вид, что поддерживает вас во всем, она вынуждена это делать, так как еще не стала настоящей владелицей своей доли акций и не заимела права голоса. А как только вы ей это право предоставите, она использует его против вас. В первую очередь против вас. А потом уже – против меня.

О том же сказала и Юлия, когда Владимир посвятил ее в суть разговора с Шейховым.

– Смотри сам, Володя, но я бы не доверяла твоей кухне.

– Почему? Ведь вы с ней в таких тесных отношениях. Ведь вы уже стали подругами. Или я ошибаюсь?

Юлия усмехнулась.

– Ну и что, Володя! Я сблизилась с Надеждой потому, что ты сделал шаг к ней навстречу. Ведь я – твоя жена. Что бы ни случилось, она твоя кузина, двоюродная сестра. И почему я должна ее сторониться. Тем более, что она так помогает мне. Во всем, что касается хозяйства. Не знаю, что она испытывает к нам, может быть, она и не чужда родственных чувств, как знать? Но все же я не стала бы доверять ей. Я ничего не имею против нее, возможно, что я и ошибаюсь, и она будет тебя поддерживать. Но согласись – Кантемир Всеволодович все же знает ее лучше, чем мы с тобой.

– Возможно. Но имей в виду – Кантемир Всеволодович имеет предубеждение против Надежды. Они не ладят между собой. Не ладят давно, задолго до того, как мы с тобой появились тут. Поэтому я в этом случае позволю не прислушаться к его мнению.

– Как знаешь, Володя, – кивнула Юлия, – Решать тебе. Я лишь хотела предупредить тебя от опрометчивых шагов. Не спеши.

– Я бы не спешил. Но ведь время не ждет. Скоро очередное собрание акционеров, а мне не хватает как раз ваших двух голосов – твоего и кухни. Я этим шагом вырву победу у моих противников и заставлю их раскошелиться на жилье для рабочих.

– А что будет, если кухня все же проголосует против твоих поправок?

– Не проголосует. Не забывай – между нами заключен договор о взаимодействии.

– Да этот договор – фикция! Вспомни – какие санкции будут применены к нарушителю этого договора? Смешно сказать – порицание других участников договора. То есть, наше с тобой порицание.

– А что – этого мало? К тому же поговорю с ней и заручусь ее поддержкой, перед тем, как разрешить отчуждение ее доли.

4

Виталий только теперь начал понимать, за какое трудное, невозможное дело он взялся. Завод его стоял уже полмесяца. За это время уволилось более семидесяти процентов работников. Виталий терял ценные кадры. И деньги. Мало того, что не было поступлений, так имеющиеся активы уходили на выплату неустоек и выходные пособия.

Перед остановкой производственных линий было проведено общезаводское собрание. Виталий вспоминает то собрание с досадой, с чувством, сродни тому, что мы ощущаем, услышав несправедливую брань в свой адрес. Он представлял, что работники будут недовольны. Но такого шквального протеста он не ожидал. А начиналось все вроде бы спокойно.

Виталий взошел на трибуну и бросил взгляд на переполненный зал. Такой посещаемости собраний не знала, пожалуй, вся отечественная история. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, на подлокотниках сидений, на собранных со всех кабинетов стульях. И все с великим вниманием устремили на него свои взоры.

Виталию стало не по себе. Весь коллектив завода затаил дыхание. Все уже знали, что собирается объявить им директор. Завод стоял к тому моменту уже сутки. Но не зря говорят – «надежда умирает последней». Люди надеялись, что Виталий одумается, что он не собирается закрывать такое доходное для всех его участников предприятие. Что остановка производственных линий – недоразумение, профилактика или какой-нибудь непредвиденный срыв.

Так думали многие. И вот теперь Виталий должен объявить, что это не так, должен оборвать эти тонкие нити надежды, тянущиеся к нему из сотен глаз. Он вобрал в легкие побольше воздуха и бухнул, словно бросаясь в холодную воду:

– Завод закрывается на неопределенное время. Мы больше не будем производить водку. Наши цеха будут перепрофилированы на выпуск безалкогольных напитков. Это потребует времени; я не могу сказать – сколько. Возможно, два-три месяца, а возможно, полгода и даже год. Мы еще не определились с тем, какой напиток будем выпускать. Но есть некоторые наработки. Наши технологи разрабатывают рецепт нового напитка – за основу взят простой русский квас. Но не решен вопрос с оборудованием. Все упирается в финансы. Для перестройки производства требуются... миллиардов тенге – это по подсчетам наших экономистов. Но должен честно сказать – на сегодняшний день я не знаю, где их взять. У нас на счете есть пара десятков миллионов – они зарезервированы на пособия тем, кто хочет дожидаться запуска нового оборудования. Правда, размер этих пособий будет в пределах десяти процентов от средней заработной платы. Да, придется затянуть пояса тем, кто решит остаться с нами. Но если кто хочет уволиться, пожалуйста – мы выплатим выходные пособия в размере трех месячных окладов – все по закону. Пусть каждый решает сам, я не хочу никого агитировать. Я не могу никого обнадеживать впустую – дело, которое мы затеяли, не обещает в ближайшей перспективе больших дивидендов. Дело это новое и наше будущее в густом тумане. Я и мои единомышленники сделаем все от нас зависящее, но, как я уже сказал, не буду давать никаких обещаний. Если кто хочет высказаться, прошу – вот трибуна.

И Виталий вернулся на свое место в президиуме, где, кроме него, сидели главные специалисты: технолог, экономист и бухгалтер. Была там и новая заведующая лабораторией Алиса Дементьева.

Секунду – другую висело напряженное молчание. Потом грянул взрыв! Люди вскочили со своих мест и разом заговорили. Они выкрикивали слова вперемешку с матом. Кто-то хотел прорваться на трибуну, этих людей не пускали другие. Кто-то уже оказался на трибуне и пытался что-то сказать – из-за шума никто ничего не слышал. Кто-то старался успокоить

собрание; то и дело слышались возгласы типа: «Тихо! Успокойтесь!». Но никто не желал успокаиваться.

Виталий смотрел на зал с недоумением. Людское море бушевало. По нему ходили беспорядочные волны. Казалось, – дай кто-нибудь сейчас направление этим волнам, укажи на сцену, на президиум, брось клич – «Ломай! Круши! Долой!», и людское цунами сметет все на своем пути. Впервые люди предстали перед Виталием в таком виде, в виде разъяренной неорганизованной толпы, и, прочувствовав ее страшную, животную силу, он содрогнулся.

Он понял, как неосмотрительно созвал весь коллектив завода. Как ошибался, считая всех своих работников цивилизованными, культурными людьми, безобидными и вполне покладистыми производственниками, семьянинами, довольно милыми людьми.

Да так оно и было! До сегодняшнего дня, до этого собрания. Теперь их словно подменили. Все эти милые производственники и безобидные семьянины превратились в безликую массу разъяренных животных. Виталий не узнавал никого. Еще минуту назад, произнося свою речь, он вглядывался в знакомые лица, в глаза тех, с кем ежедневно встречался в цехах, у станков, в рабочих бытовках. Теперь на него глядело какое-то взбесившееся стадо, и вместо слов неслось сплошное мычание и рев. Еще немного, и это стадо бросится к президиуму, круша и топча все на своем пути.

То, что тогда пережил Виталий, останется в нем темным пятном. И долго еще будут чудиться тупые рыла за милыми и приветливыми лицами.

Разработка рецепта «Бабушкиного кваса», как окрестили технологи и лаборанты будущую продукцию, зашло в тупик. Все вроде бы соблюдено, однако квас, произведенный в лаборатории, был намного хуже того кваса, которым угостила своих гостей бабушка Алисы.

– Так и должно быть, – главный технолог был спокоен, – Продукт, изготовленный в домашних условиях, всегда выше качеством – там действует принцип «тепла рук». Никогда, ни в какой супер идеальной пекарне, при механическом замесе и формовке, нельзя выпечь такой же вкусный хлеб, что выпекает рядовая домохозяйка. Потому что она прямо-таки лелеет тесто своими руками.

– Да, я согласен с тем, что при механическом производстве продукту не передается положительная энергия человеческих рук. Но то, что получилось у нас, не лезет ни в какие рамки. Тут что-то не так.

И Виталий продолжал, обращаясь к Алисе:

– Алиса, что тут не так? Ведь ты все записала. В чем тут дело?

Алиса слегка зарделась. Эта девушка всегда смущалась, когда к ней обращался Виталий. Он думал, что у нее срабатывает комплекс подчиненного, как же, с ней запросто разговаривает сам шеф, директор и хозяин завода. Загруженный делами, находясь в постоянном нервном и психологическом напряжении, под неимоверным прессингом проблем, Виталий не мог разглядеть за поведением новой заведующей лабораторией явных признаков влюбленности.

Главный технолог усмехнулся. Он-то уже понял, почему смущается Алиса. Но Виталий воспринял эту усмешку так – Яков сомневается в способностях вчерашней выпускницы колледжа.

– Чего ты усмехаешься? – вскинулся он, – Или считаешь ее некомпетентной? Если есть сомнения насчет способностей Алисы, то скажи прямо, а не усмехайся. Дело это новое, и если она что-то недопонимает, то поправь, просвети. Почему наш квас не может даже приблизиться к тому, что мы пили у бабушки Алисы? В чем тут дело? Да, да! Эффект теплоты рук! Я это уже слышал. Оставим на этот эффект процентов десять. Но этот образец не дотягивает и до остальных девяносто. Почему?

Алиса хотела что-то сказать, но заговорил главный технолог.

– А какие у нас критерии? Откуда эти проценты? Нам нужен дегустатор. Давайте сначала найдем специалиста, а уж он пусть скажет, на сколько процентов тянет этот образец. Лично я считаю, что наш квас вполне можно запускать в производство. Люди наши пьют и не такое пойло.

При последних словах технолога Виталию вновь вспомнились разъяренные лица заводчан на последнем собрании; он представил, что они пьют, хрюкая и визжа, пойло из корыт, и дернул головой, отгоняя видение.

– Нет, это не по мне! – резко возразил он, – Либо мы выпускаем высококачественный продукт, которому нет аналогов, либо закрываем завод и расходимся. Мне нет дела до тех, кто сбывает народу пойло. Я хочу работать на людей, а не на скот!

Главный технолог развел руками и демонстративно отвернулся. Виталий перевел глаза на Алису, словно бы прося у нее помощи, но и не ожидая ее получить.

– Виталий Александрович, – робко заговорила та в наступившей напряженной тишине, – Мне кажется, все дело в том, что мы берем для кваса мертвую воду. А у бабушки она живая.

Главный технолог хмыкнул, поворачиваясь к ним.

– Ну-у, нам только сказок не достает! Еще немного, и ты скажешь, что мы все превратимся в козлят. Вода в нашем водопроводе соответствует ГОСТу. Все напитки, производимые в нашем городе, имеют в своем составе эту воду.

Алиса переводила растерянные глаза с технолога на директора. И обратно. Виталий глядел на нее задумчивым взглядом. В ее словах было рациональное зерно. Ему вспомнилась статья в каком-то научно-популярном журнале. Там были опубликованы сенсационные результаты исследований воды. Виталий вспомнил, что отреагировал тогда так же, как сейчас главный технолог. Автор статьи утверждал, что сказки о живой и мертвой воде не выдумка. Виталий вспомнил сеансы Кашпировского и Алана Чумака, и как его бабушка ставила перед телевизором банку с водой – чтобы она «оживала» под чарами экстрасенса.

– Не надо смеяться, Яков, – сказал он, – Ведь мы ничего не знаем о воде. И не нужно относиться так скептически к народным сказкам – в них, возможно, сосредоточен опыт прошлых поколений. Говорят, что простая вода, ничем не отравленная, способна убить, в то время как известны случаи, когда она же поднимала умирающего.

И Виталий повернулся к Алисе. Она смотрела на него признательными глазами. Виталий улыбнулся ей и подмигнул. От этого она залилась краской и опустила глаза.

– Я помню, Алиса, что твоя бабушка говорила о каком-то источнике. Из которого она берет воду для кваса. Что это за источник?

– Это ключ, – сказала Алиса, взяв себя в руки, – Вода та теплая – зимой от нее идет густой пар.

– И много ее вытекает?

Алиса пожала плечами.

– Не знаю. Но там не один такой ключ – несколько.

– Да, возможно они смогут обеспечить нас водой, – Виталий затем продолжал, обращаясь к технологу:

– Сдается мне, что воду нам придется возить оттуда. Но сначала нужно выяснить, каким количеством воды мы можем располагать. И, если источник способен обеспечить наши потребности, нужно будет проработать правовую сторону вопроса. Вам нужно съездить с Алисой к ее бабушке, и определить производительность тех ключей. А я выясню, кому принадлежит участок. Может быть, нам придется выкупить участок с ключами, или взять в аренду.

Главный технолог ничего не сказал. Но Виталий уловил недовольство в его глазах. Конечно, с его точки зрения, Виталий добавил еще одну проблему к имеющимся, добавил дополнительные, ненужные, по его мнению, расходы. Во сколько обойдется покупка или аренда участка? А оборудование источника? А его обслуживание? А транспортировка воды? Когда можно преспокойно брать воду из водопровода – живая она или мертвая – ведь пока никто ею не отравился.

5

– С это Кариной нужно что-то делать! – Бекхану ничего не оставалось, как пожаловаться Аликееву.

– А что – она серьезно больна? – вскинулся тот. Бекхан досадливо поморщился. Иногда и такие проницательные люди бывают наивными. В последнее время Карина не участвовала в оргиях с участием Аликеева. Марина говорила, что сестра ее больна. И босс верил ей. Ему и в голову не приходило, что его могут водить за нос. Тем более те, кого он так щедро одаривает.

– Карина не больна, Талгат Мухамеджанович.

– Не больна? А что тогда с ней?

– Ничего. Она здорова.

– Вот как! А Марина...

– Марина лжет. Я знаю точно, что Карина в добром здравии. Потому что вижу ее почти каждый день.

– И где же... ты видишь ее? – Аликеев не сумел скрыть удивления.

– У себя дома. Дело в том, что Карина окрутила моего сына, Алихана. Вы же видели его – он совсем еще мальчик. Карина вскружила ему голову, и он теперь хочет на ней жениться.

Глаза Аликеева округлились.

– Вот это номер! – воскликнул он. Потом спросил:

– А что – и Карина влюбилась в Алихана?

Лицо Бекхана перекосила гримаса досады. Что-то босс совсем отупел, что ли! Никак не может взять ситуацию в толк.

– Талгат Мухамеджанович, Карина не любит его. Она делает это мне назло. Дело в том, что я как-то дал ей понять, что она шлюха. Нет, я не сказал ей этого прямо. Просто неосторожно выразился. И она решила мстить мне. Теперь я не знаю, что делать с ней. Я пытался отговорить сына – он не хочет слушать меня. Твердит, что любит Карину, что женится на ней. И что она-де хорошая, и все такое прочее. Говорил я и с Кариной, просил оставить парня в покое – она уперлась. Просто издевается надо мной – говорит, что любит Алихана. Вот решил посоветоваться с вами.

Аликеев задумался. Конечно, Карина зарвалась. И ее нужно поставить на место. Понятно, чего хочет Бекхан – ему нужно применить к ней жесткие меры. Но она – под опекой босса. Но и Бекхан теперь не последний человек для него.

– Ладно, я поговорю с ней, – заверил он, – Сегодня же пошлю за сестрами.

И, решив, что эта тема исчерпана, перешел к делам. К самому актуальному из них – к похищению дочери хозяина восточного рынка Каратая Сартаева.

– Я почему вызвал тебя, Бекхан. Какие-то мерзавцы выкрали дочку Каратая. Теперь требуют выкуп. Деньги у него есть, тем более что запросили не такую уж большую сумму. Но дело не в этом – Каратай обратился ко мне за защитой и помощью. Ведь мы его крыша. Он говорит, что похитители предупредили: узнают менты – его дочери конец. Ты можешь что-нибудь придумать?

«Вот оно! – про себя воскликнул Бекхан, – Хороший повод испытать мою информационную систему».

– Я попробую, – сказал он, – Но ничего не обещаю. Нужно поискать. Позвоните Сартаеву – пусть пришлет фотографию дочери. Как можно свежую.

– Хорошо, – Аликеев потер ладони друг о дружку, – А с Кариной я поговорю. Эти близняшки начинают распускаться. Надо немного повоспитывать их. Что поделаешь – молодежь.

Бекхан отправился к своим парням. Нужно выйти на этих похитителей. И вернуть Сартаеву дочь невредимой. Если удастся провернуть это дело, то босс осыплет денежным дождем.

Уже на другой день одна из осведомительниц Димы сообщила, что слышала, как знакомый парнишка хвалился по пьяни, что скоро у него будут большие бабки. Оказалось, что он состоит в подростковой банде, которой руководит один бывший зек по кличке Хези, осужденный когда-то по малолетству за разбой. Бекхан дал задание установить слежку за этим Хези и за всеми его «бандитами».

Выяснилось, – эти ребята имеют свою «штаб-квартиру», подвальное помещение в одном из заброшенных складов на территории бывшего ремзавода. Бекхан принял решение взять эту «штаб-квартиру» – вполне вероятно, что именно там держит Хези похищенную девочку. Так и оказалось. Правда, когда парни Бекхана вломились в то подвальное помещение, то увидели следующую картину – дочь Сартаева веселилась в компании своих «похитителей». Гремела музыка; в помещении, сизом от сигаретного дыма, танцевали девочки и мальчики с минимумом одежды на себе.

Дочь Сартаева была возвращена родителю, а «бандитов» Бекхан привез к Аликееву.

– Что делать с ними? – спросил он у босса.

– А что делать? – отвечал тот вопросом, – Пусть твои парни объяснят им доходчиво, что нельзя делать такое с людьми, особенно, с теми из них, кто находится под нашей защитой. И что в следующий раз наказание будет серьезным.

Парни Бекхана «объяснили доходчиво», что по чем, тем пацанам, после чего отпустили. А с их главарем, с Хези, поговорил сам Бекхан. Сартаев расплатился с Аликеевым весьма щедро. Сумма, которую он передал, намного превышала размер выкупа за дочь, но хозяин рынка выразил таким образом свою признательность. Аликеев не взял из тех денег ни одного тенге – все отдал Бекхану. А он, в свою очередь, раздал их своим ребятам. Но треть этой суммы была передана Диме, для премирования его осведомительницы.

Не прошло и месяца, и был ограблен «Арман». Да, тот самый торговый центр, который фигурировал в учебной тревоге Бекхана. Налетчики взяли кассу в тот самый момент, когда все отделы и бутики сдали выручку. Ограбление было хорошо организовано и спланировано – сигнализация была отключена, охрана нейтрализована без единого выстрела – налетчики знали все входы и выходы, знали, где и в каком состоянии находятся охранники. Короче, по всем признакам, не обошлось без наводчика.

Естественно, сразу же была вызвана полиция. Но Аликеев дал задание Бекхану подключиться к поискам налетчиков – те сорвали внушительный куш. И вновь Бекхан задействовал свою информационную систему. Были активизированы все осведомители его ребят, сам Бекхан побеседовал со своим агентом из «Армана». Тот сказал, что доступ ко всей информации, касающейся торгового центра, имели несколько человек. Вычислять, кто из них является наводчиком – хлопотное дело. И долгое.

Но вновь безотказно сработали осведомители. Один из бомжей нашел в мусорном контейнере маски и перчатки налетчиков. Контейнер находился в районе хрущевок на окраине города. Была задействована подростковая группировка того микрорайона. Пацаны выяснили, что в сорок четвертой квартире дома номер пять гостили несколько незнакомых парней. Бекхан выяснил, кто прописан в той квартире. Оказалось – молодая разведенная женщина. Бекхан стал устанавливать личность этой женщины, и оказалось, что ее девичья фамилия совпадает с фамилией одного из охранников «Армана». Ребята Бекхана привезли этого охранника – он все отрицал. Применили силу – парень оказался упертым и не хотел ничего признавать.

Тогда Бекхан взялся за дело с другого конца. Он поинтересовался, где была замужем сестра охранника, та разведенка из сорок четвертой квартиры хрущевки. Она была замужем в Первомайском; бывший муж ее только недавно вернулся из мест лишения свободы – отбывал наказание за грабеж. Бекхан со своими парнями нагрянул к этому бывшему зеку домой – там в то время находились еще трое его друзей. Прижали, и один из них не выдержал. Рассказал обо всем, – и кто организовал налет, и кто был у них наводчиком, и, главное, где спрятаны деньги.

Деньги были возвращены в «Арман»; налетчиков Аликеев решил сдать ментам – пусть в полиции помнят его доброту, вдруг когда-нибудь потребуется их помощь. И вновь хозяин торгового центра выразил кучей денег признательность своей «крыше». И вновь Бекхан премировал и своих ребят, и отличившихся в этом деле осведомителей.

– Видите, как хорошо работает наша система, – сказал он своим парням. И сами наварились лишний раз, и босс доволен.

Не прошло и нескольких дней, и Бекхан вновь был вызван к Аликееву. На этот раз разговор должен был пойти о деле, вроде бы не имеющем касательства к Бекхану. Но Аликеев не спешил приступать к нему. Они беседовали в загородном доме Аликеева. Из динамиков музыкального центра лилась легкая музыка – босс любил бесконечные пьесы в исполнении камерного оркестра.

– Хочешь – приготовлю коктейль, – предложил он.

– Не откажусь, – согласился Бекхан, откидываясь на спинку кресла, – Нужно немного расслабиться – эти налетчики доставили хлопот.

– У тебя талант криминалиста, – сказал Аликеев. Он стоял у открытого бара и составлял очередной «шедевр» – коктейль собственной рецептуры. Вкус его коктейлей был не ахти, но Аликеев верил, что из-под его рук выходят отменные напитки. Бекхан поддерживал в нем эту уверенность, усмехаясь внутренне реакции босса на похвалу.

– Как ты так быстро вышел на их след? – интересовался Аликеев, – Полиция вовек не раскрыла бы это преступление. Или тогда, когда эти ребята спустили бы все деньги – что с них потом возьмешь? А так вернули их в «Арман» копеечка в копеечку! А в прошлый раз, с дочерью Каратая – ведь ты нашел ее всего за сутки. Как это у тебя так лихо получается?

С этими словами он протянул собеседнику стакан с коктейлем. Бекхан поблагодарил и сделал малюсенький глоточек. И тут же округлил глаза и поднял вверх большой палец, мол: «Во, коктейль!». Аликеев расплылся в довольной улыбке.

– Талгат Мухамеджанович! – воскликнул Бекхан, – На этот раз вы превзошли самого себя. Что вы сделали – изменили рецепт?

– Да, – отвечал босс со счастливой улыбкой, – Только чуточку увеличил дозу бренди – и вот, совершенно другой напиток. У тебя очень тонкий вкус, это же надо – уловить разницу.

Аликеев ответил лестью на лесть. Бекхан вновь усмехнулся внутренне. Он вспомнил басню Ивана Андреевича – «... за то, что хвалит он кукушку...».

Сделав парочку глоточков своего нового «шедевра», Аликеев сказал, продолжая лелеять стакан меж ладоней:

– Но ты не ответил на мой вопрос – как ты вышел на налетчиков?

– Да тут нет моей заслуги, – отвечал Бекхан улыбаясь, – Просто нам повезло – благоприятное стечение обстоятельств. Тут как получилось – налетчики допустили грубую ошибку. Видимо, расслабились после удачно совершенного налета; ведь в «Армане» они действовали безукоризненно. Все у них было распланировано с точностью до нескольких секунд. А в микрорайоне, где они остановились, расслабились. Они положили маски и перчатки в пакет и выбросили в мусорный бак. А один бомж решил, что в пакете том что-то ценное. Этот бомж похвастался своей добычей перед своими товарищами. Среди них ока-

зался один знакомый нашего Болат – его бывший сосед. Ну и он рассказал о масках Болату, а тот – мне. Мы установили наблюдение за домами того микрорайона, мои парни расспросили тамошних пацанов и узнали, что в сорок четвертой квартире дома номер пять, у разведенной женщины гостили несколько незнакомых мужчин.

Я навел справки и выяснил девичью фамилию той разведенки – эта фамилия совпала с фамилией одного из охранников «Армана». Мы взяли этого охранника, хорошенько потрамбовали, но он оказался крепким – не раскололся. Тогда я решил выяснить, где, и за кем была замужем его сестра – и вышел на грабителей. Их главарь, организатор налета, бывший муж этой женщины. Вот и все.

Аликеев покачал головой и отпил еще несколько раз из своего стакана.

– Хорошо, – сказал он, – А как ты нашел ту девчонку? Дочку Сартаева?

– Тоже случайно. В той компании подростков был пацан. Он начал бахвалиться перед одной девочкой на дискотеке. Мол, скоро у него будет куча бабок. А девчонка та оказалась знакомой нашего Димы. Мы решили проверить, где, кроме школы, бывает этот парнишка. И он привел моих парней к тому подвалу на ремзаводе.

Аликеев взглянул на Бекхана с некоторым недоверием.

– Что-то много получается случайностей, – заметил он.

Бекхан пожал плечами.

– Везет...

Аликеев улыбнулся. Он приподнял свой стакан и произнес что-то вроде тоста:

– Хорошо, – пусть тебе всегда везет. Пусть нам всем всегда везет.

После непродолжительной паузы, во время которой он смаковал свое изобретение, Аликеев поинтересовался:

– Как у тебя дома? Карина утомилась? Я поговорил с сестрами – они обещали исправиться.

Бекхан помрачнел. Он отставил свой стакан и попросил:

– Талгат Мухамеджанович, позвольте мне самому поговорить с ней. Мне кажется – Карина злоупотребляет вашим расположением. Буквально вчера вновь явилась к нам со своей сестрой. Мне становится не по себе, когда вижу, какими влюбленными глазами смотрит Алихан на нее. Поймите, – ведь она спала со мной! Еще немного – и я не сдержусь. Просто возьму и выкину их из дому. Только одно удерживает меня – то, что они ваши любимцы.

Аликеев посидел, немного раздумывая, затем сказал:

– Хорошо, поговори с ней сам. Только не переусердствуй. Если что случится с ней, я первый попаду под подозрение, – я слишком засветился с сестрами.

– Нет, никаких трупов не будет, – поспешил успокоить босса Бекхан, – Просто объясню доходчиво, что никому не позволю играть с собой.

Бекхан заметил, что его последние слова не совсем понравились Аликееву. И поспешил перевести разговор на Зайру, чтобы сгладить ситуацию.

– Талгат Мухамеджанович, я хочу поблагодарить вас. Зайра рассказала о вашем решении помочь ей с открытием магазина. Она так мечтала о собственном деле.

Аликеев отвел глаза. На его лице блуждала непонятная улыбка. Эта девушка сумела вскружить ему голову. Видавшее виды сердце босса таяло, когда появлялась эта стройная красавица, только-только распустившая все свои бутоны. Когда она заговаривала с ним с миловидной улыбкой на своем одухотворенном лице, это сердце замирало, и босс не знал, что делать с ним. Он думал о том, что на пороге старости к нему пожаловала еще одна, очевидно, самая последняя любовь. И теперь он готов бросить к ногам этой любви все, чем владел, – что там какой-то магазин!

Но он понимал, что трудно будет заслужить любовь этой красавицы. Уважение – да, признательность... но любовь! Он с завистью думал о Бекхане – как легко завоевал он сердце этой Виолетты Ким? И Аликеев понимал, что на пути к Зайре стоит ее отец. Как он бьется за своего сына?! А уж за дочь...

Что будет, если он узнает, что босс ухлестывает за его дочерью? Может быть, уже о чем-то догадывается? Ведь он очень проницателен и наблюдателен. А что, если попросить у него ее руку? Он может отказать? Вряд ли. Но нельзя спешить – сначала нужно подготовить Зайру. Ведь она может упереться. Нет, в таких делах спешка ни к чему. Пусть откроет свой магазин, начнет купаться в деньгах; ведь они способны развратить кого угодно. Да и Бекхан – он может затаить обиду. Даром что сам собирается жениться на девушке, годящейся ему в дочери.

– Не стоит благодарить меня, – сказал Аликеев, – Зайра – способная девушка. И у нее есть опыт в торговле. Я и подумал – а почему не помочь применить эти способности? Ведь мы с тобой друзья. Не так ли?

Бекхан поспешил заверить, что это так. Он вспомнил недавний разговор с дочерью. Бекхан вернулся домой, и его встретила Зайра. Ее лицо сияло.

– Папа, я хочу открыть свой магазин, – сказала она, не в силах дожидаться, пока отец разденется и снимет обувь.

– Да?! – отозвался Бекхан, снимая мокрые туфли и ставя их на батарею – сушиться. Затем прошел в гостиную и добавил:

– Это хорошо. Но, придется немного подождать – сейчас свободных денег нет. Майра затеяла строить пекарню.

– Нет, мне денег не надо. Талгат Мухамеджанович обещал ссудить деньгами. И здание строить не нужно – Талгат Мухамеджанович отдает в аренду бывшую химчистку. С последующим выкупом. Оказывается, Талгат Мухамеджанович выкупил ее несколько лет назад, и с тех пор здание пустовало.

– Вот как! – Бекхан был неприятно удивлен. Чего это Аликеев так расщедрился?

– И под какие проценты он дает ссуду?

– Ни под какие. Талгат Мухамеджанович сказал, что не будет наживаться за мой счет. И чтобы я не думала о долге. «Вернешь, когда-нибудь, – сказал он, – Когда разбогатеешь». Талгат Мухамеджанович говорит, что не может смотреть спокойно на то, как дочь его друга мокнет под дождем на рынке. Талгат Мухамеджанович обещал помочь с внутренней отделкой. И с оборудованием. Так что мне остается только оформить все и привезти товар. Талгат Мухамеджанович сделает мне визы, и я сама поеду в Китай за товаром. И в Турцию. Представляешь папа? Я поеду в Стамбул! А ведь я никогда не думала, что когда-нибудь смогу побывать за границей. И все благодаря тебе. У тебя отличные друзья!

Зайра еще долго рассказывала с увлечением о своем будущем деле, а Бекхан думал:

«Не слишком ли часто повторяет она его имя? „Талгат Мухамеджанович, да Талгат Мухамеджанович!“ И с какой теплотой она произносит эти слова! И когда это они встречались? Не наложил ли Аликеев свою лапу на нее?»

Бекхан вспомнил, как смотрел босс на Зайру в день ее именин. И как прижимал к себе, танцуя с ней. Босс заманивает ее этим магазином. Зайра что – словно ребенок, тянется к тем, кто угощает сладостями и дарит красивые игрушки. Она и не заметит, как окажется в его объятиях.

Бекхан представил дочку обнаженной, прижимающейся, как Марина, к Аликееву, и как тот похлопывает игриво по ее попке. Бекхан затряс головой, отгоняя видение. Он огляделся – Аликеев допивал свой коктейль. «Ладно, помогай, – сказал про себя Бекхан, – Пока. Магазин нам не помешает. А что касается твоих намерений – я буду держать ухо востро. И не оста-

новлюсь ни перед чем; дочку я тебе в обиду не дам. Так же, как и сына. И Карину эту я поставлю на место. Да, трупа не будет. Может быть».

Эти мысли прервал Аликеев. Заговорил, отставляя пустой стакан:

– Я зачем вызвал тебя. Вчера был задержан транспорт с героином. Курьеры допустили оплошность – недобросовестно спрятали товар. Понадеялись на «авось», ведь до сих пор не было провалов. Они сидят в столице, но я до сих пор не знаю, где именно.

Бекхан сделал озабоченное лицо – босс продолжал:

– Товар пропал – его сожгли. Ко мне приезжал наш человек из столичного ДВД. Он ничего не смог сделать. И ребята наши попали конкретно. Даже не знаю, стоит ли даже пытаться их выручать. Они слишком засветились.

Бекхан вспомнил свое заключение в «каменном мешке». Тогда все было инициировано боссом. Все эти ребята Аликеева, и Бекхан в их числе, рискуют каждую минуту своими жизнями и свободой ради своего босса, а он сидит и раздумывает – выручать их или нет?

«Вот сволочь!», – выругался Бекхан про себя. А вслух сказал:

– Надо бы вытащить. Конечно, они виноваты. Но и разбрасываться людьми не стоит. Это опытные ребята. А что до оплошности – с кем не бывает? Зато этот случай будет им хорошим уроком.

Аликеев хмыкнул. Легко сказать: «Надо вытащить». Бекхан и впрямь считает своего босса всесильным? Да, конечно, он многое может. Попади эти «опытные» болваны в местное УВД – не было бы проблем. Но, столичное ДВД – это тебе не хухры-мухры. И КНБ к тому же задействовано. Тут требуется великая осторожность. Как бы самому не загреметь! Да и бабки за освобождение придется выложить немалые. Товар завалили, а это не один миллион убытка. А теперь выложи еще за них самих.

Но Бекхан прав – где потом взять курьеров? Они на дороге не валяются. Эти-то хоть знают все ходы – выходы.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – бросил он и приступил к тому, для чего собственно и вызывал Бекхана, – А пока тебе придется съездить на дальнюю границу.

И видя, как поскучнело лицо у него, успокоил:

– Только пару раз. Пока я буду вызволять тех ребят. Пойми – нужно быстро доставить товар. Я не могу держать наших клиентов на голодном пайке.

Бекхан кивнул боссу, не поднимая головы. Что он может сделать? Разве может он отказаться? Но и согласиться – а не загремит ли он вослед тем парням в подземелья КНБ?

После ухода Бекхана Аликеев отправился на другой конец города – в пригород, под названием «Собачья слобода». Никто уже не знал, почему так называется этот поселок, возможно, когда-то здесь разводили породистых собак, а возможно, просто здесь жил какой-нибудь богатый с охотничьей сворой. Теперь тут можно увидеть лишь дворняжек или беспризорных собак.

В Собачьей слободе жила одна женщина, колдунья и ворожея. Ее адрес Аликееву дала Жакен. Жакен раньше была женой одного подчиненного Аликеева – Ардака. Тогда она была молода и красива. Сегодняшний босс тогда еще не был, ни богатым, ни могущественным. Но был начальником пусть и маленького, но денежного учреждения. И уже обзавелся кое-какими связями. И сумел при содействии районного прокурора сфабриковать дело против Ардака. Ардак тогда работал бухгалтером под началом Аликеева. Он был обвинен в хищении социалистической собственности. В особо крупных размерах. И загремел на двадцать лет. Аликеев просил своих друзей подвести его под «вышку», но времена тогда несколько смягчились, поэтому вышестоящий суд заменил расстрельный приговор нижестоящего на тюремный срок по апелляции.

Аликеев вынудил Жакен сожительствовать с ним, с помощью «кнута и пряника» – он, с одной стороны, угрожал и ее отправить за супругом, а с другой, обещал вытащить Ардака из зоны на вольное поселение или на «химию», на крайний случай. Жакен согласилась – она тоже работала бухгалтером в другом учреждении и понимала, что Аликееву ничего не стоит сфабриковать дело и против нее. Она не могла оставить своих маленьких дочек сиротами при живых родителях. Тумар и Лиза не были дочерьми Аликеева, хотя они не знали ничего о своем настоящем отце.

Теперь Жакен постарела и не прельщала босса мафии. Теперь его сердцем овладела другая юная красавица. И Аликеев пообещал Жакен вытащить Ардака и отпустить ее с миром. Он даже обещал вознаградить ее за долготерпение и обеспечить ее и ее несчастного мужа на всю оставшуюся жизнь. О будущем своих дочерей Жакен могла не тревожиться – к чести Аликеева, он принял их в свое время, как своих. А свои дети у него так и не появились.

Недавно между ней и Аликеевым состоялся серьезный разговор. Нужно сказать, что босс редко разговаривал с ней в последние годы. И редко оставался с ней наедине. Они уже давно не спали вместе. Аликееву хватало девочек по вызову. Но тут он сам уединился с Жакен и завел разговор.

– Жакен, ты хочешь вернуться к Ардаку? – спросил он. Этот вопрос застал женщину, уже потерявшую всякую надежду когда-нибудь увидеть своего мужа живым, врасплох. Дело в том, что по истечении срока по первому приговору Ардак «заработал» другой срок. К тому времени Аликеев стал могущественным человеком, и ему ничего не стоило подстроить драку с поножовщиной в той зоне, где отбывал наказание Ардак.

В той драке погиб заключенный. Ардак не участвовал в ней, но нож с запекшейся кровью был подброшен под его матрац и он был признан убийцей. Теперь Жакен понимала, что муж закончит свои дни там, за решеткой. Поэтому понятно, как взволновал ее вопрос Аликеева.

– Как – вернуться? – сказала она еле слышно. Ее горло сжало спазмой.

– Просто. Я освобожу его и отпущу тебя к нему. Ты хочешь этого?

Жакен молчала. Хочет ли она этого? Она уже не знает. И хочет ли этого Ардак? Знает ли он о том, с кем она жила все эти годы? И с кем делила постель? Ведь он догадывается, очевидно, кто засадил его за решетку.

Но вернется она к нему или нет, а Ардака нужно бы освободить. И Жакен взглянула на босса.

– Что я должна сделать?

Аликеев усмехнулся. Жакен достаточно изучила его и знает, что он ничего не делает просто так.

– Мне нужна Зайра, – прямо сказал он, – И ты мне поможешь заполучить ее.

Жакен изменилась в лице. «Бедная девочка!» Зайра повторит судьбу самой Жакен. Вначале будет любовницей. Но это продлится недолго, пока она не наскучит боссу. А потом? Потом долгие годы ежедневного рабства. И холодные ночи в одинокой постели. И слезы, слезы, слезы...

Но у Жакен нет выбора. Может ли она отказаться? Нет. И Ардак тут ни при чем. Хотя, может быть, и при чем. Ведь он достаточно настрадался. А Зайра? Что ж, ей просто не повезло. Она имела несчастье оказаться на пути этого сластолюбца. Ее отец имел неосторожность связаться с этим монстром с человеческой улыбкой и благообразным лицом. И откажись Жакен от содействия Аликееву, это ничего не изменит – босс все равно заполучит эту юную красавицу в свою постель.

– Хорошо, – сказала Жакен, – Что от меня требуется?

– Как можно сделать, чтобы Зайра согласилась стать моей женой?

Жакен пожала плечами. Зачем ему согласие этой девушки? Ему нужна ее любовь? Но отдает ли отчет тому, что представляет собой он сам? Почему он не затащит Зайру в постель и, угрожая и одаривая своей милостью, не вынудит стать наложницей?

– Тебе нужна ее любовь? – сказала она.

Аликеев вновь усмехнулся. Жакен отлично понимает его.

– Да. Я не хочу добиваться ее силой. Я хочу, чтобы она сама отдалась мне. Ты можешь что-нибудь придумать?

Минуту помолчав, Жакен заговорила:

– Я знаю одну ворожею, которая, возможно, поможет тебе.

Аликеев заинтересованно придвинулся к ней.

– Что за ворожея? Где она живет?

– В Собачьей слободе.

– Откуда ты ее знаешь?

Жакен отвела глаза. И вздохнула. Что теперь скрывать – нужно рассказать.

– Я ходила к ней – гадать.

– Когда?

– Давно. Когда у Ардака заканчивался первый срок. Я хотела узнать, что будет со всеми нами.

– И что тебе нагадала та ворожея?

– Она сказала, что ему еще придется посидеть. Но...

Жакен замолчала. Аликеев не отрывал от нее глаз. Потом не выдержал, спросил:

– Что – «но»?

– Она сказала, что, в конце концов, мы с ним соединимся.

Аликеев откинулся на спинку кресла.

А эта ворожея чего-то стоит. Как она могла предугадать, что Ардаку придется еще посидеть? Или то, что Аликееву когда-нибудь придет мысль отпустить Жакен? И он вновь наклонился к Жакен.

– Ты думаешь, – эта ворожея может мне погадать насчет Зайры?

– Да. И не только это. Такие женщины способны на многое. Может быть, она сможет заворожить Зайру.

Ага! Вот это-то ему и нужно. Аликеев сказал быстро:

– Как ее зовут? Ты знаешь ее адрес?

– Зовут ее Роксана. А адрес... я не помню его. Но найти ее просто. Я могу показать тебе ее дом, но возможно она там уже не живет. Во всяком случае, там, в Собачьей слободе, ее все знают.

И вот Аликеев сидит перед этой женщиной и ждет, что она скажет.

– Я смогу заворожить ту девушку, – сказала она, глядя с неприязнью на клиента. Но это будет стоить денег. Больших денег. Такие дела – самое трудное.

– Можете об этом не беспокоиться – у меня их хватает. За любовь этой девушки я отдам все свое состояние.

Ворожея усмехнулась.

– Я не могу обещать тебе ее любви. Любовь – это такая штука... тут никакая ворожба не поможет. Но я сделаю так, что она отдастся тебе без сопротивления. Если этого недостаточно, то можешь обратиться к кому-нибудь другому.

– Хорошо, я согласен. Что от меня требуется?

– Привези ее ко мне.

– Сюда? – Аликеев невольно огляделся. Под каким предлогом он затащит сюда Зайру?

– Да. Я не работаю на выезде.

- Но вряд ли та девушка согласится приехать. Что я ей скажу?
- А это уже твои проблемы.

6

Подошло время призыва, и Шокан получил повестку. И всего одни сутки на сборы и проводы. Он оббегал своих бывших одноклассников из двух школ. Собралась внушительная компания. Девчонки помогали маме Шокана и Анаре готовить блюда, парни позаботились о выпивке и музыке. Все уже перезнакомились; бывшие ученики из разных школ рассказывали о своих учителях.

– А Заманжол Ахметович придет? – спросил кто-то Шокана, – Ты его пригласил?

– Естественно! Как же я мог его не пригласить? Обещал прийти. Правда, Балжан Жасаровна не сможет – у них сейчас маленький ребенок.

– У них родился ребенок?! – удивилась Оля.

Шокан растерянно улыбался.

– Наверное, – сказал он, – Балжан Жасаровна так и сказала.

– Когда это она успела? – удивилась Катя, – Ведь вроде не была беременной.

– А что – она с тобой говорила об этом? – сострил Азамат.

– Да иди ты! – огрызнулась Катя, – По-твоему, я не могу отличить беременную от не беременной?

– И чем они отличаются? – Азамат продолжал дурачиться.

– Ребята, прекратите! Разве этично обсуждать такие дела? – пожурила их мама Шокана. Катя взглянула на Азамата с упреком, а он состроил рожицу.

– Да это все Азамат! – оправдывалась Катя, – Вечно встречается со своим идиотизмом.

– При чем тут я?! – воскликнул Азамат, – Ведь это ты начала.

И он произнес, передразнивая Катю: «Когда это она успела? Ведь вроде не была беременной».

Все захохотали. Катя покраснела. Она накинулась на Азамата и начала дубасить его своими пухлыми кулачками. Анара поспешила разнять их.

– Ладно, ладно! – просила она Катю, – Перестань. Вы оба хороши. Лучше расставляйте столы – все в сборе. Только Заманжол Ахметовича нет. Надо позвонить...

В этот момент в дверь постучали. Анара бросилась открывать.

– Заманжол Ахметович! – раздался в прихожей ее радостный голос, – Проходите. Вы пришли вовремя – мы собираемся накрывать столы.

Ребята начали наперебой здороваться со своим учителем, а Заманжол еле успевал отвечать на приветствия и пожимать протянутые руки. На его лице играла счастливая улыбка. Его усадили на самое почетное место. К нему подсел папа Шокана и начал расспрашивать о жите-быте. Мама Шокана выглянула из кухни и поздоровалась.

– Поздравляю с пополнением в семье, – она говорила, обмахиваясь салфеткой, – Шокан сказал, что ваша супруга не сможет прийти – у вас маленький ребенок. Кого она родила – сына или дочь?

Заманжол улыбнулся смущенно. Он сказал:

– Спасибо, Жанна Елемисовна. Но Балжан никого не родила – мы усыновили мальчика из детдома.

Катя взглянула на Азамата с превосходством в глазах.

– Да, Катерина, ты оказалась права, – намеренно громко отозвался тот.

Заманжол обратил внимание на его слова.

– В чем оказалась права Катя? – спросил он.

Все переглянулись. Катя зарделась. Она молча показала Азамату кулак – тот намеревался что-то сказать Заманжолу Ахметовичу.

– Она сама знает, в чем, – Азамат решил пощадить свою бывшую одноклассницу, и она облегченно вздохнула.

– Да вы сделали доброе дело, – сказал папа Шокана, – Не каждый отважится в наше время завести даже своего ребенка.

Заманжол быстро взглянул на него.

– А мы не считаем Толегена чужим ребенком, – сказал он, и пояснил, – Так зовут нашего мальчика.

– Простите – я не то хотел сказать, – папа Шокана смутился. И поспешил перевести разговор на другую тему:

– Вас еще не восстановили в школе?

Ребята переглянулись. Об их поездке в столицу Заманжол Ахметович не знал. И теперь папа Шокана собирался открыть их маленькую тайну. Катя толкнула Азамата, мол, сделай что-нибудь. Тот вытаращился на нее, словно бы не понимая. Катя пыталась знаками объяснить, чего она от него хочет. Тем временем Заманжол Ахметович сказал:

– Нет. А почему вы решили, что меня должны восстановить?

– И никто не приезжал к вам из столицы? Из министерства?

Заманжол взглянул на собеседника с изумлением.

– Приезжал, – сказал он, – Но откуда вам это известно?

– Нет, мне ничего не известно. Просто хотел узнать, как отреагировало министерство образования.

– Что-то не пойму я вас, Каир Токсанбаевич. Как вы догадались, что сюда приезжал человек из министерства? Если вам ничего не известно?

– Но ведь за вас ходатайствовали ваши ученики.

Заманжол непонимающе оглядел присутствующих. Его ученики отводили глаза со смущением на лицах. До него начало что-то доходить. Он спросил:

– Какие ученики ходатайствовали за меня, Каир Токсанбаевич? И перед кем?

– Вы что – ничего не знаете? – теперь пришел черед удивиться папе Шокана, – Ведь наши ребята ездили в столицу, и их приняла сама министр образования. И обещала разобраться с вашим увольнением.

– Вот оно что! – воскликнул Заманжол, вновь оглядывая ребят. Те улыбались виновато.

– А я-то думал – чего это вдруг мной заинтересовалось министерство?

И пояснил:

– Недавно приезжал заместитель министра образования. Явился ко мне на станцию – я как раз разгружал вагон. Но разговора не получилось – очевидно, он до этого побывал в школе и побеседовал с Дарьей Захаровной. Она, конечно, постаралась обрисовать все в выгодном для себя свете. Вообще чувствовалось, что его визит к нам – мероприятие для галочки. Министр как-то должен отреагировать на обращение учеников – она посылает своего заместителя. А тот обязан поговорить с обеими сторонами – с Дарьей Захаровной и со мной. Чтобы со спокойной совестью отчитаться перед своим начальником. Теперь ребята могут ждать стандартной отписки из министерства, – мол, их учитель уволен правильно, все по закону. Конечно, на той отписке будет подпись министра и его печать – как положено.

Заманжол Ахметович заметил разочарование на лицах ребят и спохватился.

– Да вы не переживайте так, – сказал он с улыбкой, – Все нормально. Спасибо вам за участие в моих делах. Но вы должны знать, – добиться справедливости не очень легко. И думать, что одним визитом к министру можно достичь этого, просто наивно.

– Но ведь она обещала разобраться! – воскликнула Катя. А Оля грустно улыбнулась – она успела узнать о жизни немного больше своей сверстницы.

– Ну, она и разобралась – чего тебе еще надо? – сыронизировал Азамат, – Ведь она не обещала, что Заманжол Ахметович будет восстановлен.

– Ладно, ребята, оставим этот разговор, – сказал Заманжол Ахметович.

– Как это – оставить?! – не согласилась с ним Катя, – Мы не можем этого так оставить. Правда, ребята?

И она оглядела одноклассников. Те улыбались ей, не зная, что сказать.

– Ну что же вы все молчите? – не унималась Катя, – Что, – съездили один раз в столицу, и вышел весь запал? Слабо до конца добиваться справедливости?

– Но что мы можем еще сделать? – сказала Анара.

– Поговорим еще раз с Санией Калиевой. Не поможет – обратимся к президенту.

Ребята заулыбались недоверчиво.

– А чего – напросимся прямо к президенту. Неужели он не примет нас?

Заманжол с интересом оглядывал своих бывших учеников.

Анара пожала плечами. Мол, почему бы не напроситься?

Тут в разговор вступил Шокан. Он сказал:

– Правильно говорит Катя – нужно еще раз съездить в столицу. Жаль – я не смогу. Но, если что, звоните. Я помогу.

– Чем это ты сможешь помочь? – Анара взглянула на него с удивлением.

– Подаю рапорт Главнокомандующему Вооруженными Силами.

– А при чем тут главнокомандующий?

– При том, что он и президент – это одно лицо.

– Да иди ты! – Анара засмеялась и вместе с ней засмеялись и остальные. Заманжол смотрел на своих веселящихся учеников и думал:

«Какие они все же славные! И ведь они добьются справедливости. Обязательно добьются!»

Мама Шокана выглянула из кухни и крикнула, перекрывая шум и смех:

– Девочки, давайте уставлять столы. Шокан, попроси гостей к столу.

Все поднялись со своих мест и начали, – кто усаживаться за стол, а кто – уставлять стол всякими яствами. Заманжол придвинулся к папе Шокана, освобождая место рядом, и только тут заметил маму Анары – все это время эта женщина просидела в углу незамеченная.

– Здравствуйте, – поздоровался он с ней. И добавил:

– Извините, я забыл ваше имя.

Вообще-то Заманжол не знал ее имени – он видел ее лишь однажды, когда подрались Азамат и Шокан, и Дарья Захаровна почему-то пригласила и маму Анары. Тогда она посидела молча и ушла.

– Мое имя – Зайнаб, – сказала мама Анары.

– А по отчеству?

Зайнаб смутилась. Она сказала:

– Зовите меня по имени – у меня нет отчества. У меня не было отца. И матери тоже. Я выросла в детдоме. И очень признательна вам, за то, что усыновили мальчика – вы подарили человеку отца. И когда ваш сын вырастет, он будет с гордостью произносить свое отчество.

И она улыбнулась. И эта улыбка совершенно преобразила казавшуюся невзрачной женщину.

«Вот на кого похожа Анара, – подумал Заманжол, – Она тоже преображается улыбаясь».

– Простите, но моей заслуги в том нет. Это Балжан, моя жена, решила усыновить Толегена, – сказал Заманжол смущенно.

Мама Шокана решила сгладить неловкость и сказала:

– Заманжол Ахметович, поздравьте нас – Шокан с Анарой поженились.

Все обернулись к ней.

– Да, я не шучу, – сказала она, – Они уже побывали в загсе и подали заявления. Вот только не успели зарегистрироваться. И сыграть свадьбу не успеем – Шокан завтра уезжает. Ну да ладно – отгуляем, когда вернется.

Все начали наперебой поздравлять Шокана и Анару. Азамат крикнул:

– Посадить жениха и невесту во главе стола. Сейчас сыграем малую свадьбу. А я буду дружкой.

– А я – подружкой! – подхватила его шутку Катя.

– Нет-нет, ты не годишься! – запротестовал Азамат, – Подружкой будет Оля.

Но Катя протиснулась к Анаре, и, схватив ее за руку, начала умолять:

– Анара, давай я буду твоей подружкой, а?

Та со смехом согласилась. Азамат начал отталкивать Катю от Анары, та отчаянно сопротивлялась. Началась возня, и все потонуло в шуме и смехе.

Когда все уже сидели за столом, предоставили произнести тост родителям Шокана. Отец говорил о том, чтобы его сын выполнил свой долг с честью, и вернулся из армии, не опозорив себя и своих родителей. Мама Шокана поднялась со своего места, но не смогла сказать ничего – расплакалась. Все начали успокаивать ее. Шокан сказал:

– Мама, не плачь – не на войну же я ухожу. Ты и не заметишь, как пролетят эти два года.

Потом обратился к своему учителю:

– Заманжол Ахметович, скажите вы свое пожелание. Мама что-то совсем раскисла. А я-то считал ее сильной женщиной.

Все заулыбались, а Заманжол встал и заговорил серьезно:

– Да, Шокан, наши мамы сильные женщины. Они плачут, переживают, но их нелегко сломать. Я что хочу сказать – конечно, служба не война. Да. Но и не мед. Не хочу кривить душой, говорить, что это пустяк. Нет, это очень серьезное испытание. И желаю тебе пройти это испытание с честью, не уронив своего достоинства. У нас какие-то непонятные традиции. Везде действуют неписанные законы – в тюрьме, в армии и даже на гражданке. И человек иногда не знает, где он – за решеткой или на воле. И везде ему приходится отстаивать свое человеческое достоинство, доказывать каждый день, каждый час, каждую минуту, что он человек. Свободный человек, а не раб. И что с ним нужно обращаться, как с человеком, а не как с рабом.

Заманжол оглядел присутствующих и, заметив печаль на их лицах, постарался вернуть праздничное настроение, царившее до этого за столом.

– Что вы приуныли? Не надо смотреть на жизнь так печально. Вопреки всему она прекрасна. Я желаю тебе, Шокан, отслужить с честью и вернуться к маме и папе. И к своей Анаре. И пусть меж вами всегда будет любовь. Ведь без нее жизнь – не жизнь.

Все зааплодировали Заманжолу Ахметовичу, а он улыбнулся и сказал:

– Не надо! Я же не артист.

Когда выпили за тост учителя, Шокан спросил:

– А вы служили, Заманжол Ахметович?

– Да. Я рос слабым и болезненным. И к восемнадцати годам еле набрал нужный вес и рост, чтобы пройти комиссию. И когда я сидел вот так же на своих проводах, и потом, в пути к месту службы, мне казалось, что все – жизнь кончена. Передо мной словно стояла черная ночь. Да, мне пришлось нелегко, особенно в первое время. Но в армии я обрел своих друзей, и мы сплоченно противостояли всем бедам. Да, тогда у меня были друзья.

Заманжол вздохнул и добавил:

– Пусть и у тебя будут верные друзья – с ними жить намного легче.

И Шокан отправился служить. Попал он на границу. Он вначале обрадовался, узнав, что станет пограничником. Ведь это так романтично. Но очень скоро понял, что романтика и служба на границе – две разные вещи. И несовместимые. Потянулись тяжелые будни. Днем муштровка и многокилометровые марши вдоль границы. И все это на голодный желудок. Голодом не морили, но Шокану еще ни разу не удалось поесть, как следует. Все урывками что-то перехватывал.

Ночью издевательства стариков. Деда устроили «принятие присяги». А выглядело это так – после отбоя они построили салага, и замкомвзвода Шилов, здоровенный сержант, начал бить «принимающих присягу» в грудь прикладом автомата. Считалось, что «присяга принята», если салага выдержал достойно этот страшный удар, если он не свалился с ног, как подкошенный. Кто-то выдерживал, а кто-то падал и тогда этому несчастному сообщали, что он не прошел обряд посвящения, и что придется еще раз «принимать присягу» – потом, когда немного оправится. «Принявших присягу» одобрительно хлопали по спине и, поздравив, отводили в сторону. Не сумевших принять обзывали всякими обидными словами, мол, слабак, баба и т. п. Тех, кто отступал, устранившись от занесенного приклада, хватили за руки и подвели силой к Шилову и тогда тот бил особенно зло, так, чтобы затвор автомата взвелся самопроизвольно от удара.

Это был жестокий обряд. Неизвестно, кем и когда он был изобретен. Но каждый солдат на этой заставе прошел в свое время через это и считал, что будет несправедливым, если чья-то грудь избежит удара прикладом. Шокан видел, что испытывали прошедшие экзекуцию солдаты – задыхались, хватая ртом воздух, потирали ушибленную грудь, мотая головой от нестерпимой боли, не решаясь даже застонать – это тоже считалось признаком слабости. В этот момент ему вспомнились напутственные слова Заманжолы Ахметовича: «Человек не знает иногда, где он – за решеткой или на воле. И везде ему приходится отстаивать свое человеческое достоинство, доказывать, что он человек. Свободный человек, а не раб». Шокану показалось, что его учитель незримо присутствует здесь, смотрит на него испытующе – сумеет ли его ученик отстоять свое человеческое достоинство? Или даст слабину, позволит обращаться с собой, как с рабом. И когда дошла очередь до его соседа, хилого, тщедушного паренька, который побледнел и зажмурился, Шокан вдруг шагнул к Шилову и вцепился в занесенный автомат. Тот сверкнул возмущенно глазами и попытался вырвать оружие – Шокан не выпустил.

Неизвестно, кто бы кого одолел, но тут другие деда опомнились и набросились на «оборзевшего салабона». Общими усилиями она свалили Шокана и били ногами до тех пор, пока не поняли – еще немного, и они убьют солдата. Шилов бил прикладом автомата – да по ребрам, по ребрам!

На другой день Шокан попал в санчасть – сказали, что он сорвался со скалы. Командиры вряд ли поверили этому, но их устраивала такая версия. Ведь дедовщину и существующие порядки им не изменить. Кроме многочисленных ушибов у Шокана были сломаны ребра. Но зато, когда немного оправился, он смог отправить письма домой. Он представил, как тревожится за него Анара. Он написал ей первой.

«Здравствуй, моя женушка! – писал он, – Как вы поживаете с мамой? Как там мои родители? Прости, что не сразу написал – не было времени. Но ты не беспокойся – у меня все хорошо. Даже отлично! Я стал пограничником. Это так романтично! Застава наша стоит в горах, на высоте тысячу двести сорок метров над уровнем моря. Мы уже ходим охранять границу. Командиры наши отличные – учат нас всяким премудростям. И товарищи по заставе подобрались хорошие, – душевные парни. Кормят нас отлично – три раза в день, по три блюда. И добавки дают – сколько хочешь. Короче, все у меня хорошо. Так что не переживай. С такой службой и не заметишь, как пролетят эти два года. Передавай нашим ребятам привет. Скажи – пусть хорошо учатся.

Что еще написать? Как там наш ребеночек? Шевелится? Береги его. Когда родишь – отправь телеграмму. К тому времени я может, и заслужу отпуск. Ну, пока. Целую. Береги себя. Твой Шокан».

Анара прочла это письмо со слезами на глазах. Она пыталась представить Шокана в военной форме, но это ей не удавалось. Она перечитывала немногие строки, и ее не смог обмануть их бодрый тон. Ей чудились другие слова между ними – о тяжелой участи молодого солдата, о боли и тоске по дому, по своей любимой.

7

Надежда Романовна продолжала время от времени встречаться с Геннадием Аристарховичем. Цветов рассказал ей о своем разговоре с ее кузеном.

– Мы с ним подружились, – сказал он с усмешкой, и его визави блеснула глазами в ответ.

– Он предложил поддержать его идею изменения устава, – продолжал Цветов, – Но я прямо заявил, что никогда этого не сделаю. Дружба – дружбой, но устав – это святое.

– Я посвящена в историю с посещением кузена и его жены вашего концерта, – усмехнулась Надежда Романовна, – Это был грамотный шаг. Признаюсь – я не ожидала этого от кузена. Но, конечно, он недооценил вас. Он не знал, что вас не подцепить на такой крючок.

– Да, конечно! – со смехом подтвердил эти слова Геннадий Аристархович, – А ведь он сделал и другой, весьма грамотный шаг, чтобы заручиться и вашей поддержкой.

Надежда Романовна сделала неопределенный жест головой, словно бы уклоняясь от этих его слов.

– Ну, положим, ему эта поддержка не нужна. Ведь я не имею голоса в совете акционеров. Я всего лишь менеджер. А вот вы...

– Главный менеджер, – перебил ее Цветов, – Вашему кузену нельзя отказать в уме и умении лавировать. Ведь, если не ошибаюсь, он сделал вас совладелицей своих акций.

Надежда Романовна блеснула глазами.

– Эти акции не его собственность. Они принадлежали моему отцу.

– Вот именно – принадлежали. А теперь они принадлежат вашему кузену.

– Теперь они принадлежат кузену, его жене и мне. Нам троим.

– Но ведь вы не имеете права отчуждения своих акций. Этот ваш кузен хитер. Вроде бы поделился акциями и при этом сохранил за ними контроль.

Надежда Романовна отвела глаза. Что и говорить – кузен и в самом деле хитер. А ведь она вначале приняла его за простака. Возможно, что у него хорошие советчики. Да, конечно, Шейхов, ну и Наталья Крымова... да и Юрий – ведь все они теперь в команде кузена. А эта Юлия – хочет убедить в том, что она ничегошеньки в этих играх не понимает, а сама... О-о! Такие женщины... им нельзя доверять.

– Геннадий Аристархович, – Надежда Романовна вернулась к теме разговора, – Значит, вы уверены в акционерах? В том, что они все проголосуют против нового проекта устава?

Цветов закачал головой.

– Нет, во всех я не уверен. Кое-кто относится лояльно к этим идеям вашего кузена. Кое-кого он сумел убедить, уж не знаю, что он с ними сделал, как он их очаровал. Возможно, они купились на его тактику обходных маневров. Очевидно, ваш кузен обошел их с тылу, так, как он попытался обойти и меня.

И они оба рассмеялись.

– Но все же, Геннадий Аристархович, вы уверены, что наши акционеры не пойдут на изменение Устава? Если это произойдет, то лучше сейчас избавиться от этих акций, пока они еще котируются.

– Нет, избавляться от акций не нужно. Я думаю, акционеры не сошли пока с ума, чтобы собственными руками сделать себя нищими. Вот в этом я уверен на все сто.

А в это время Владимир и Юлия беседовали все о тех же делах, сидя перед жарко пылающим камином. Да, климат на острове оказался мягким, они уже переживают здесь вторую зиму, которую таковой не назовешь – так, поздняя осень, забывшая о том, что нужно уступить место снегам и метелям. Владимир уже начал испытывать ностальгию по настоящей зиме и если бы он не был занят делами, если б его день не был так насыщен и перегружен,

то он не удержался бы и махнул в Казахстан хотя бы на несколько дней, просто для того, чтобы поскрипеть снегом под подошвами и подышать морозным воздухом.

Но дела и впрямь не отпускали. Не давали расслабиться ни на минуту. Он уже «обработал» всех акционеров, попробовал к ним все «ключи» и «отмычки», но добился немногого. И если б не Юрий Крымов со своими вездесущими ребятами, которые разнохали все об этих неуступчивых людях, которые, естественно, не были ангелами и за свои жизни успели совершить много из того, что не укладывается в рамки закона, то Владимир мог бы не надеяться изменить устав компании. Да, то, чем он подчас занимался, или смотрел сквозь пальцы на то, что делал начальник безопасности компании со своими людьми, походило на шантаж. Но даже прижатые к стене акционеры брыкались, и Владимир не был уверен на все сто процентов, что эти «деятели» проголосуют за его проект. Правда, Шейхов и супруги Крымовы были уверены – «никуда не денутся!». То, что раскопали ребята Юрия, могло подвести и под статью уголовного кодекса.

Некоторые из акционеров купились на блага, которыми обещал их одарить новый Павловский. Ну а некоторые просто согласились с Владимиром в том, что пора предоставить рабочим компании хорошее дешевое жилье – они, мол, этого заслужили. И теперь шансы победить в предстоящем голосовании у Владимира были реальными. Правда, и при нынешнем раскладе ему для победы на голосовании не хватает двух голосов. Вот поэтому-то он и возвращается к мысли о предоставлении права голоса Юлии и кузине. Возвращается к этой мысли вновь и вновь, и вновь и вновь отступает.

Кроме всего прочего, ему удалось создать новую профсоюзную организацию портовых рабочих и служащих. Люди начали понимать этого непонятного человека, который прибыл из страны с дурной репутацией и взялся за такие дела, которые все вначале приняли в штыки. Рабочие тогда решили, что этот новый хозяин просто заигрывает с ними, возможно, считали они, что он хочет выдвинуться в президенты, и ему нужны их голоса. Но вот прошло больше года, как этот энергичный и неумный человек затеял в порту и прилегающих площадках и складах такую грандиозную модернизацию, (это детище Шейхова все связывали с именем Владимира Павловского) а пока нигде не появилось ни одного агитационного листка о выдвижении его куда бы то ни было.

По мере того, как Владимир знакомился с людьми, как он узнавал об их профессиональных качествах и достоинствах, он смело выдвигал умелых и ответственных работников из числа рабочих и мелких служащих. Для таких людей он не жалел средств из личного фонда. Он занимался улучшением жилищных и бытовых условий этих своих выдвиженцев, оплачивал их учебу, в общем, он плотно занялся кадровой политикой компании.

Владимир посвящал много времени приему посетителей по личным вопросам, и почти все эти посетители уходили с положительно решенными проблемами. Он внимательно и дотошно разбирался со всеми случаями превышения должностными лицами их полномочий и не давал пути для произвола. Все это способствовало тому, что его авторитет, как человека и руководителя укреплялся с каждым днем.

И вот, наконец, наступил момент, когда он смог собрать общее собрание портовых рабочих и служащих, на которое пригласил боссов профсоюза. Эти боссы уверенно начали собрание и милостиво предоставили слово президенту компании. Но их лица стали вытягиваться и скучнеть, как только прозвучали слова с трибуны, слова, призывающие рабочих и служащих отказать в доверии верхушке профсоюза, всем этим отъевшимся людям, которые больше озабочены собственным благополучием, нежели положением рядовых членов профсоюза.

– Конечно, вы вольны доверить борьбу за свои интересы любому, – говорил Владимир Павловский, – Но я уже убедился, что их не волнуют ваши проблемы. Я предложил комитету, как только принял дела в прошлом году, поддержать меня в том, чтобы изменить устав

компании, в том, чтобы надавить на правление и собрание акционеров, чтобы те раскошались и поделились дивидендами с вами, для того, чтобы выстроить жилье для вас. Но ни один из этих людей и пальцем не пошевелил для этого. Они сказали мне, что между комитетом и правлением заключен договор, и что их дело – лишь следить за неукоснительным его соблюдением. Теперь вы решите сами, нужны ли в профсоюзном комитете такие люди, или лучше заменить их теми, кто будет реально бороться за ваши права?

Шквал аплодисментов был ему ответом. Боссы что-то кричали, пытались перекрыть собрание, устроившее овацию президенту, а потом встали и демонстративно удалились. После их ухода был избран другой комитет. Многие выдвигали Владимира Павловского в комитет, в его председатели. Владимир с улыбкой отвечал, что он с радостью бы принял это предложение и положил бы свою жизнь за права рабочих, но он не может быть избран даже в члены профсоюза, так как для этого ему бы пришлось отказаться от принадлежащих ему акций и от должности президента компании.

– Так откажитесь! – раздалось несколько голосов. На что он отвечал так:

– Я бы с радостью. Да считаю, что в настоящем качестве я сделаю для вас неизмеримо больше, чем, если бы я стал рабочим или служащим и вступил в рядовые члены профсоюза.

В итоге в комитет были избраны те из рабочих и служащих, которые обладали авторитетом среди своих товарищей. Не прошло и двух дней, как новый комитет профсоюза компании выдвинул перед правлением компании и собранием акционеров требование изменить устав. В документе, направленном Шейхову, Павловскому (Владимир с улыбкой прочел копию документа, который был вручен и ему) и Цветову, в этом документе, который был, по сути, ультиматумом, новый профсоюзный комитет портовых рабочих и служащих грозил стачками и забастовками, если собрание акционеров проголосует против проекта нового устава.

– Чертов Павловский! – выругался Цветов, отбросив этот ультиматум обратно на стол, с которого он его взял. Это был уже серьезный ход его оппонента. Профсоюз – реальная сила, и если этот человек сумел взять под контроль эту силу, то сопредседатель совета акционеров не так уверен в исходе голосования.

Шейхов же просто усмехнулся, прочитав документ. Он уже составил другое мнение об этом наследнике Романа Павловского. И распорядился созвать экстренный совет директоров, чтобы ознакомить с новым требованием нового комитета профсоюза.

Обо всех этих событиях последних дней Владимир вспоминал, глядя на проворные языки пламени, пожирающие подброшенные сосновые поленья. Сосна здесь сплошь маслянистых пород. Вот и сейчас смола шипит и стекает по обуглившейся древесине, источая при этом тонкий аромат. Юлия внимательно слушает мужа и одобрительно кивает. Но все ее мысли все же о том, какое заключение сделает светило островной медицины, гинеколог, у которого она была сегодня на приеме. Юлия прошла полное обследование в одной из самых авторитетных клиник столицы, и теперь завтрашний день должен дать ответ, быть ей еще раз матерью, или Елена, эта ее соперница останется ее единственной дочерью.

Вообще, они с Владимиром редко затрагивали эту тему. Но он время от времени проговаривался, когда видел ребенка в чьих-нибудь руках на улице. Он очень полюбил сыновей Надежды, и эти мальчики тянулись к нему, вызывая в Юлии смешанные чувства. Она теперь мечтала родить ему сыновей – близнецов; тоже Вову и Рому; эта мечта стала ее навязчивой идеей. Юлия даже начала покупать вещи для этих еще не родившихся малышей, для тех, кого она еще не зачала, и не была даже уверена, что у нее что-нибудь получится. Они с Владимиром по-прежнему отдавались страстному сексу, но пока что безрезультатно. И благо бы она была виновата – до сих пор врачи не могут найти причину, все в репродуктивном аппарате у нее в порядке. Раз за разом Юлия сдает анализы, ее уже несколько раз просветили на УЗИ, раз за разом гинекологи из разных клиник ставят один и тот же диагноз, вернее,

говорят о том, что никакого диагноза они поставить не могут – женщина здорова. Здоров и ее муж. Но проходят дни за днями, проходят месяцы, и при всей любвеобильности Владимира она не может зачать таких желанных близнецов.

Юлия уже согласна отказаться от своей мечты, отказаться от близнецов, пусть у нее родится один мальчик... да пожалуй, ее сейчас устроит и девочка, хотя она уже не хочет еще раз обжечься на собственной дочери.

8

Осень уже перешла в зиму; прошлой ночью выпал снег. Правда, днем он растаял, добавив слякоти на улицах. «Хоть бы уже наступила зима, – думала Алена, – Надоела эта сырость». Она соскучилась по папе, и... немного, совсем чуть-чуть по Виталию. Но он перестал приезжать и вот уже неделю не звонит. И папа уже давно не подавал никаких вестей. Ну а мама...

Ах, мама, мама! Она рассказала обо всем, и о дяде Антоне тоже. Алена вспомнила его – хороший, порядочный человек. Не то, что Семен Игнатьевич. Но провести с ним всю прошлую зиму, весну и почти все лето?! Зачем? Этого Алена не могла понять.

Впрочем, этого не могла бы объяснить и сама Татьяна. Она сильно изменилась. Стала неразговорчивой, взгляд ее, прежде всегда такой вызывающий, теперь все время был потуплен, словно она чего-то стыдилась. Вообще, Алена чувствовала, что мама все более отдаляется от нее. Татьяна рано вставала, быстро завтракала и уходила на рынок. Проводила там весь день, возвратившись, прибиралась в квартире, готовила ужин, а потом до поздней ночи смотрела по телику сериалы.

А Алена подналегла на учебу. Она купила компьютер, подключилась к всемирной паутине, и теперь у нее не было времени на общение с матерью.

Алиса Дементьева ехала к своей бабушке вместе с главным технологом. Яков вел машину. Они уже давно съехали на проселок с шоссе, и время от времени Алиса говорила:

– А теперь, Яков Яковлевич, поверните направо.

Или:

– Сейчас будет несколько развилок, одна за одной – нам нужно ехать все время прямо.

– Алиса, давай перейдем на «ты», – предложил технолог, – Называй меня просто Яков.

Или Яша. Ведь между нами всего пять лет.

И добавил, быстро взглянув на сидящую рядом девушку:

– К тому же я еще не женат.

– А какое это может иметь отношение? Если человек холост, то можно с ним фамиллярничать?

– Нет, это я к тому, что между нами могут завязаться доверительные отношения.

И он вновь бросил быстрый взгляд – проследить за ее реакцией. Алиса смотрела, не отрываясь, на дорогу. Она хорошо ориентировалась в степи, но здесь столько дорог – нетрудно и заплутать. А Яков продолжал:

– И даже очень близкие.

– Что вы сказали? – Алиса потеряла нить разговора, раздумывая над тем, почему они все еще не достигли первой из упомянутых ею развилок.

– Я говорю – между нами могут завязаться близкие отношения.

Теперь Алиса повернулась к своему спутнику всем корпусом.

– С чего вы это взяли? – спросила она.

Яков пожал плечами.

– Так. Мы с тобой молоды. И занимаемся одним делом. Мы, так сказать, единомышленники. Ну и... ты мне нравишься. Ты очень симпатичная. Да и я... да и меня вроде Бог не обидел.

Алиса дернула плечом и сказала:

– Яков Яковлевич, не надо. Вы – хороший человек. Но я люблю другого.

Яков усмехнулся.

– Но он не любит тебя. И у него есть невеста.

– О ком это вы? – Алиса почувствовала, что заливается краской.

– О Виталии... Александровиче.

Алиса изо всех сил старалась не выдать своего замешательства. Она быстро провела ладонями по волосам.

– Почему вы решили, что я имела в виду его?

– А разве это не так? Я же все вижу.

Алиса вновь дернула плечом и вернула взгляд на дорогу. Но она ничего не увидела. Перед ее глазами возник образ любимого. Он улыбнулся приветливо и сказал: «Алиса, ты замечательная девушка! Ты талантлива, а я талантливых люблю». Виталий так выразился однажды, и девушка решила, что это настоящее признание в любви.

– Алиса, оставь шефа в покое, – Яков вновь взялся за нее, – У него есть невеста. И он очень любит ее.

Видение исчезло. Алиса вновь обратила глаза к собеседнику.

– Невеста?

– Да, у него есть невеста. Девушка из Н-ска. И Виталий очень любит ее.

– А откуда вы это знаете?

– Что? То, что есть невеста, или то, что он любит ее?

– Он вам сам сказал?

– Нет, – Яков тут же поправился, – То есть, да. Я хочу сказать – о существовании невесты я узнал от него самого. А вот то, что он очень любит ее – об этом он мог бы и не говорить.

– Почему?

– Тебе известно, почему Виталий затеял эту перестройку? Помнишь, он говорил об одном хорошем человеке, сказавшем, что мы своей водкой травим народ. Так вот, тот хороший человек – его невеста. Теперь подумай – стал бы Виталий рушить такое доходное дело, если б не любил ее?

Алиса задумалась. Когда Виталий сказал на том первом, памятном совещании о «хорошем человеке», она представила мудрого, пожилого человека. «Наверное, это его отец, – подумала тогда Алиса, – Или мать. А может быть – дедушка. Или бабушка. Да, ведь он сказал как-то, что и у него есть бабушка». Теперь оказалось, что такая мудрая мысль исходила от девушки, возможно, ее ровесницы. Сердце Алисы защемило, и глаза ее затуманились.

Значит, он любит другую. Тогда почему он тогда так сказал? И почему он всегда улыбается, обращаясь к ней? И его глаза – разве не дарят они надежду? И его голос, его интонации? Разве не звучит в них любовь?

– Алиса, куда нам теперь? – эти слова вывели ее из плена смятенных мыслей. Алиса взглянула вперед и не узнала местности.

– Мы не туда заехали, – сказала она.

– Как это – не туда! – всполошился Яков.

– Я не узнаю этих мест. Поворачивайте назад. Очевидно, мы проскочили какой-то поворот.

– Вот незадача! – технолог притормозил, затем, развернув машину, поехал назад. Они довольно проехали, но никакого поворота не обнаружили. Алиса вглядывалась вдаль, но никаких знакомых ориентиров она не смогла различить. Яков то и дело поглядывал на нее, но Алиса молчала.

Тем временем начало сыпать с неба. Сначала редкими крупинками, но с каждой минутой снегопад усиливался. Видимость ухудшилась настолько, что теперь машина ползла на малой скорости. Яков с тревогой оглядывался – поднимался ветер.

– Будет буря, – сказала Алиса.

– Вижу, – отозвался Яков. Затем добавил, останавливая машину:

– Похоже, мы заблудились. Что будем делать, Алиса? В какую сторону нам ехать? Ты хоть представляешь, где мы находимся?

– Нет, но думаю – нам надо взять правее. И, как только упремся в небольшую речку, двинемся вдоль нее. Наш райцентр стоит на берегу той реки. А от райцентра до нас можно добраться по грейдерной дороге.

– Значит, вправо? – уточнил Яков, – Ты не ошибаешься?

Алиса не ответила. Она не была уверена, что справа от них находится река. Но ведь надо куда-то ехать...

Яков вздохнул, и, тронув машину, поехал прямо. Он решил не сворачивать с дороги. Ведь должна же она куда-нибудь привести. А ехать по степи – недолго заехать в какой-нибудь солончак. Тогда их ни в жизнь не найдут.

Яков разогнал машину, несмотря на то, что видимость была – ноль. Но указатель топлива дрожал ниже отметки $1\frac{1}{4}$, и нужно успеть добраться до какого-либо жилья. В противном случае они попросту замерзнут в этой необъятной степи.

Теперь они молчали. Якову было не до разговоров – он напряженно вглядывался в круговорот снега за лобовым стеклом. Не потерять бы дорогу. Две еле заметные колеи постоянно виляли, внезапно уходили, то вправо, то влево, ускользая из поля зрения. Алиса тоже не отрывала глаз от дороги. Когда Яков отклонялся от дороги, она коротко подсказывала:

– Вправо...

Или:

– Влево...

Яков бурчал недовольно: «знаю»; или: «вижу – не слепой». Но следовал ее подсказкам и машина вновь выбиралась на дорогу.

Стрелка топливомера уже дрожала на нуле, когда путники сумели разглядеть что-то темное в стороне от дороги.

– Что это? – спросил Яков, указывая в ту сторону.

– Вроде, какие-то строения, – отвечала Алиса, – Возможно, заброшенные кошары.

Яков повернул туда. Что бы то ни было, буран лучше переждать там. Возможно, они найдут дрова, чтобы развести костер. И может быть, там есть какое-нибудь помещение.

Но когда они приблизились к одному из длинных строений, навстречу, из бурана, выскочили две огромные собаки.

– Здесь живут люди! – воскликнул Яков обрадовано. Затем добавил:

– Наверное, чабаны.

– Какие чабаны, – отозвалась Алиса, – Овец давно уже нет. Это только табунщики могут жить в степи.

– Пускай будут табунщики, – согласился весело Яков, – Какая нам разница? Главное – люди.

И его машина подрулила, в сопровождении яростно лающих собак, к одинокому домику у старой кошары. Собаки не позволили бы путникам выйти из машины, но тут появился мужчина в накинутах на плечи полушубке. Он прикрикнул, и псы отбежали к кошаре и недовольно рычали оттуда, располагаясь на свежавыпавшем снегу.

Яков и Алиса вышли, и опасливо оглядываясь на волкодавов, подошли к человеку в полушубке.

– Здравствуйте, – поздоровался Яков. И протянул руку. Человек принял рукопожатие, вглядываясь в лица прибывших.

– Здравствуйте, – ответил он на приветствие и добавил, – Входите в дом, что же вы стоите? Вы так легко одеты.

И он отворил дверь и посторонился, пропуская гостей внутрь. Алиса переступила порог и оказалась в просторных темных сенях. Наружная дверь закрылась, и стало совсем темно.

– Дверь справа, – подсказал хозяин, и Яков отворил ее, не сразу нащупав ручку. Они прошли в дом и на них пахнуло теплым и кисловатым. Их встретила пожилая женщина в длинном платье. Вошедшие приветствовали ее – та ответила им кивком головы. И отошла к печи.

– Она глухонемая, – поспешил предупредить хозяин дома, – Но с ней можно изъясняться жестами. Если, конечно, умеете.

И добавил:

– Проходите в горницу, не стесняйтесь. Сейчас организуем чай.

Яков с Алисой прошли в следующую, более просторную, комнату. Она была обставлена очень скромно – диван, письменный стол с единственным стулом возле него. И книжный шкаф, забитый книгами.

«Образованный, видно, табунщик», – подумала Алиса, усаживаясь на краешек дивана. Яков бухнулся рядом и с удовольствием потянулся. Его суставы хрустнули.

– Как кстати подвернулось это зимовье, – сказал он, – Я устал. Еще немного и кончился бы бензин.

Алиса лишь кивнула. Тут к ним присоединился хозяин. Теперь они смогли рассмотреть его. Это был мужчина лет пятидесяти. Он представился:

– Давайте знакомится, – сказал он, – Меня зовут Асан. А вас?

– Меня – Яков, а ее – Алиса.

И Яков поинтересовался:

– А как вас по отчеству?

– Зовите меня просто – Асан ага.

– Хорошо, Асан ага, – сказал Яков. И спросил:

– Вы табунщик?

Асан улыбнулся.

– И табунщик, и скотник, и овчар. Короче, животновод. Я, как сейчас модно говорить, фермер. А, если точнее – ковбой. Ибо фермер должен иметь посевы, а у меня их нет. Я занимаюсь чисто скотоводством.

– А далеко отсюда до Бостандыка?

– Точно не скажу, – Асан погладил бороду, – Где-то около сотни километров. Это если по прямой. А через райцентр – и все сто пятьдесят.

Яков присвистнул.

– Вот куда нас занесло! – воскликнул он. И пояснил:

– Мы выехали утром из города, из столицы. Ехали в Бостандык. Съехали с шоссе и решили проскочить по прямой. Потом пошел снег, поднялся буран, и мы заблудились. Нам просто повезло с вашей фермой.

– Да, зимой разъезжать по степи опасно. А вы еще так легко одеты. Особенно, ваша жена.

Алиса быстро взглянула на Асана. Яков улыбнулся. Ему понравилось, что старик принял их с Алисой за супругов. Он не спешил опровергать его, и тогда Алиса сказала негромко:

– Я не жена... ему.

– Вот как! – удивился Асан, – Кто же вы тогда – брат и сестра?

– Нет.

Асан неодобрительно покачал головой. Он сказал:

– Конечно, это не мое дело. Но я за целомудрие. Хотя это сейчас не в моде.

Алиса покраснела. Хозяин зимовья решил, что они с Яковым любовники.

– Вы плохо о нас подумали, – сказала она, – Между нами ничего нет. Мы просто коллеги, а в Бостандык ехали по делу.

Взгляд Асана потеплел.

– Простите, – извинился он, – Я не хотел обидеть вас. Просто мне не по душе нынешние нравы. И легкость, легкомыслие в отношениях мужчин и женщин.

Он замолчал. Хозяйка дома появилась в дверях и знаком дала понять, чтобы гости шли пить чай. Дастархан был расстелен на низком казахском столе. Асан жестом пригласил, и Яков сел возле хозяина, так же как он, сложив ноги по-казахски. Алиса опустилась на колени, отставив ноги в стороны.

Они пили ароматный напиток, заедая баурсаками со сливочным маслом. В печи гудел огонь, пахло горелым кизяком. За стеной завывала вьюга, и уже совсем стемнело. Но в доме горел электрический свет.

– А у вас хорошо – есть электричество, – заметил Яков.

– Да, – отозвался Асан, – Здесь раньше был отгон. Жили люди, была молочно-товарная ферма. Теперь живем только мы с ней.

И он кивнул на жену.

– Кстати, жену мою зовут Балкия.

– Очень приятно, – сказал Яков. И поинтересовался:

– Вы живете здесь вдвоем?

– Да. Дети наши взрослые, живут своими семьями. Сын в столице – юрист. А две дочери замужем, живут в райцентре. Приезжают часто – грех жаловаться.

Потом добавил, передавая очередную пиалу гостям:

– У меня есть напарник – молодой парень. Он живет на центральной усадьбе. Отсюда километров десять. А может, и все пятнадцать. Но сегодня не приехал – буран.

– А вам не скучно, Асан ага?

– Нет. Почему должно быть скучно? Днем я занят скотом, а вечерами читаю книги. А, кроме того, я немного грешу бумагомарательством.

И он рассмеялся. Яков не понял.

– Бумагомарательством? Что вы хотели сказать?

– Пишу книгу. О том, что пережил, что передумал. Надоело только читать книги других людей.

Гости взглянули на хозяина с большим уважением.

– Я заметил, как много у вас книг, – сказал Яков, – Сначала подумал, что с вами живет сын – студент. Или дочь.

– Нет, это все мои книги. Да, много книг мне подарил сын. Он никогда не приезжает с пустыми руками. Ну а остальные – из моей прошлой жизни.

Гости взглянули на хозяина заинтересованно.

– Из прошлой жизни? – переспросил Яков, – Как это понимать?

– Нет, я не имел в виду реинкарнацию, – со смехом пояснил Асан, – Я хотел сказать, что не всегда был ковбоем и в прошлом жил в центрах цивилизации.

9

А в это время Бекхан беседовал с Аксакалом в его жилище. За тонкими стенками вагончика бушевал буран, но внутри было тепло. И уютно. Хозяин вагончика говорил:

– И я когда-то был материалистом. У нас у всех мозги были набекрень. И это не удивительно – материализмом нас начали кормить чуть не с пеленок. И все было понятно и объяснимо до какого-то возраста. Потом стали возникать вопросы, на которые не может дать ответа материализм. И его дитя – современная наука.

– Да, есть вопросы, на которые наука пока не дала ответа, – возражал Бекхан, – Но из-за этого нельзя отвергать материализм и, как вы говорите, его дитя – науку.

– Я говорю не о тех вопросах, на которые *пока* не может дать ответа наука. Я говорю о тех вопросах, на которые наука не сможет дать ответа в принципе. Никогда! Понимаете?

– Например? Приведите хоть один пример.

– Пожалуйста. Наука объясняет все поверхностно. К примеру – всемирное тяготение. Это одно из основополагающих явлений. Как объясняет наука это явление? А никак! Да, установлены закономерности; над этим потрудились и Галилей, и Ньютон, и Эйнштейн, и другие ученые. Но что такое тяготение? Почему материальные объекты притягиваются друг к другу? Откуда возникает эта сила? И каким образом она воздействует на материальные объекты? Откуда берется энергия? И почему эта энергия не истощается? Или истощается? Вы считаете, что наука когда-нибудь сможет дать ответ на эти вопросы?

Бекхан уклонился от прямого ответа. Он сказал:

– Почему нет? Я верю в науку.

Аксакал немного подождал, считая, что собеседник приведет какие-нибудь доводы в пользу своей веры. Затем продолжал:

– Или возьмем время. Что это такое? Материально ли оно? Или оно существует лишь в сознании людей?

Бекхан удивленно поднял бровь. Такого он еще не слышал! Аксакал продолжал:

– Эйнштейн признавал, что природа времени не ясна. Хотя он свободно оперировал временем в своей теории. И сегодняшние ученые со спокойной совестью говорят об экспериментальном подтверждении теории относительности, не утруждая себя выяснением того, о чем свидетельствуют эти самые эксперименты.

Бекхан улыбнулся и сказал:

– Что-то не совсем улавливаю вашу мысль, уважаемый. О чем вы говорите? Вы сомневаетесь в результатах экспериментов?

– Да. Я не понимаю людей, основывающих серьезную теорию на том, природу чего еще не выяснили. И тех, кто потом возводит эту теорию в абсолют, закрывая глаза на существенную оговорку автора.

Бекхан продолжал улыбаться. Аксакал оставался серьезным.

– Можете не улыбаться. Вот возьмем пространство. Что это такое? Вроде бы с ним все ясно. Это то, в чем, как в трехмерной системе координат, расположен весь мир. Это представление господствовало в сознании людей до Эйнштейна. И до сих пор многие не могут представить, как может это пространство, эта абстрактная система координат, искривляться. А все потому, что понятие пустого пространства – это выдумка. Вернее всего, пространство так же материально, как и все объекты, расположенные в нем. Оно не пустое, оно – сама материя. Поэтому и способно искривляться под действием тяготения. И неоднородно – в нем есть уплотнения и разрежения. Уплотнения – это видимые и фиксируемые нашими органами чувств и приборами объекты, разрежения – то, что мы считаем пустым местом. С простран-

ством повторилась история с воздухом, с атмосферой. Ведь и воздух раньше считали пустым местом. Хотя и в древние времена кое-кто догадывался, что это не так.

Бекхан молчал. Он должен был признать, что его никогда не посещали подобные мысли. Возможно, Аксакал прав в том, что теория Эйнштейна когда-нибудь потребует коррекции или даже пересмотра. Но ведь это не означает, что человек, человеческий разум никогда не разберется с тайнами этого мира. Бекхан хотел возразить, но тут в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Аксакал недовольно. Он досадовал тому, что его отрывают от такого захватывающего спора. Дверь отворилась, и вместе с клубами ворвавшегося холодного воздуха вперемешку со снегом в помещение вошел парень, который работал в одной бригаде с Аксакалом. Он поздоровался и остановился в нерешительности у порога.

– Извините, я думал – вы одни, – сказал он.

– Ничего, проходи, Габбас, – пригласил хозяин вагончика, уже более мягко, – Тут все свои.

Габбас остался стоять на прежнем месте.

– Да что с тобой? – Аксакал заметил, что парень не в себе, – Что-то случилось?

– Аксакал, я хотел, чтобы вы почитали Коран. Умер мой близкий друг. Вот...

Аксакал прошептал короткую молитву и провел ладонями по лицу.

– Да одарит Аллах его своей милостью, – сказал он и спросил, – Как звали твоего друга?

– Алик, – ответил Габбас, разуваясь и проходя в глубь помещения. Потом поправился:

– Алимжан. Его звали Алимжаном.

Аксакал усадил парня возле себя и начал произносить напевные и печальные аяты Корана. Бекхан слушал в задумчивости. Ему казалось, что эти непонятные слова свидетельствуют о бренности земного существования, о том, что все в этой жизни суетно, преходяще. Но, странное дело – они в то же время дарили надежду, дарили уверенность в том, что не все в этом мире грешно и подло, что есть и что-то святое, и что за страшной пропастью могилы нас может ждать лучшая доля.

– Сколько было лет твоему другу? – спросил Габбаса Аксакал, когда закончил чтение Корана.

– Двадцать четыре.

– Отчего он умер?

– Повесился, – Габбас опустил голову в безысходной тоске.

– Субханаллах! – воскликнул Аксакал. Его лицо потемнело, оно выразило большую скорбь, чем при первом сообщении Габбаса о смерти друга.

– О, Аллах! – сказал он потом, – Прости его грешную душу.

– От него ушла жена, – пояснил Габбас, словно пытался оправдать самоубийство друга, – Он ее очень любил.

Аксакал кивал головой, словно принимал эти оправдания. Но сказал он другое:

– Всякое может случиться, но налагать на себя руки – это не выход. Ему теперь остается одно – надеяться на бесконечную милость нашего Создателя. Ибо Алимжан совершил страшный грех. Да, конечно, все происходит по воле Аллаха. Но заклинаю вас, – никогда не лишайте самих себя жизни. Аллах милостив и милосерден, он может простить любое преступление, любой грех. Но самоубийство...

И он повторил:

– Это страшный грех. Потому что это свидетельствует о том, что в человеке нет веры. С верой ему ничто не страшно, никакое несчастье, никакая беда. Потому что он знает – он не будет одинок, пусть даже его покинут все, кто ему близок. Он не одинок, нет! С ним Аллах. Который никогда его не покинет. Лишь бы верить в него, в его бесконечную милость. Вера вселяет оптимизм, она дает человеку уверенность в конечной справедливости, в том, что за все воздастся, в конце концов. И за зло, и за добро, и за долготерпение, и за всякое

преступление. В то, что суд Божий неотвратим. И что от него не скрыть ничего. В отличие от суда людского. Вот что дает нам вера! И как же мы обкрадываем себя, лишая себя такого богатства.

Слова Аксакала взволновали Бекхана, но на другой день он приказал своим парням доставить к нему Карину. Они привезли ее и впахнули в комнату, где обычно беседовал их шеф с теми, кого требовалось утешить. Или предупредить, или вытрясти из них какие-нибудь сведения. Бекхан встретил девушку сына с торжествующей улыбкой.

– Оставьте нас, – сказал он своим подручным, и когда те подчинились, включил музыку и приступил к экзекуции. Он начал хладнокровно срывать одежду с Карины. Она пыталась сопротивляться, но силы были неравны.

– Я предупреждал тебя! – рычал Бекхан, срывая с нее все. Нежная ткань нижнего белья не выдержала. И трусики разорвались от сильного рывка мужских рук. Карина попыталась дать пощечину, но получила такую затрещину, что отлетела в дальний угол.

– Я тебя предупреждал, Карина! – повторил Бекхан, стоя над лежащей на полу девушкой. Она теперь была полностью обнажена. Это для большего устрашения. Ведь человек без одежды чувствует себя совершенно беззащитным. Но Карина не была испугана. Ее глаза излучали ненависть. Бекхан наклонился и придавил ее коленом. Девушка ухватилась за его ногу обеими руками и попыталась скинуть с себя. Ее лицо перекошилось в бессильной ярости.

– Убери ногу! – крикнула она.

– Я раздавлю тебя! – Бекхану так хотелось привести угрозу в действие, но он помнил о словах Аликеева. Ведь босс предупредил, чтобы Бекхан не переусердствовал. Что трупы ему ни к чему. Он помнил и о словах Аксакала, но те слова оставались все же только словами. Может быть, пока...

Он наклонился еще ниже, увеличивая давление. Он не отрывал взгляда от лица Карины. Оно напряглось, покраснело. Бекхан видел, как ей трудно дышать. Карина предприняла еще одну, отчаянную, попытку освободиться, но с таким же успехом она могла бы откинуть упавшее на нее дерево.

– С-скотина... – прошептала она. Глаза ее продолжали полыхать в бессильной ярости.

– Я тебя предупреждал, – Бекхан продолжал давить на ее грудь, – А ты смеялась надо мной. Ты думала – я пешка? Как бы не так! Вот я сейчас задавлю тебя насмерть, и мне ничего не будет. Ты понимаешь – абсолютно ничего!

Лицо Карины побагровело. Она закрыла глаза. Бекхан ослабил давление, потом, подумав, убрал ногу. Карина судорожно вздохнула. Она открыла глаза, но в них ничего, кроме ненависти, не было.

– Карина, это последнее предупреждение, – сказал Бекхан, протягивая к ней руку. Он намеревался помочь ей подняться.

Но она произнесла посиневшими губами:

– Мы с Алиханом любим друг друга.

И Бекхан рассвирепел. Он ударил ее по лицу, хотя с самого начала решил не украшать ее синяками. Затем вытащил пистолет, и, передернув затвор, упер ствол ниже лона девушки.

– Я прострелю твою ненасытную утробу, шлюха! – рычал он, все глубже вдавливая ствол в ее влагилице.

Карина побледнела. Она замерла, но потом произнесла изменившимся голосом:

– Стреляй. Но знай – вместе со мной застрелишь и своего внука.

– Что? – прохрипел Бекхан, – Что ты сказала?

Он убрал оружие от ее гениталий.

К Карине вернулась уверенность. Она сказала, продолжая глядеть прямо в глаза своего истязателя:

– Что слышал. Я беременна. От Алихана.

Бекхан изменился в лице. Он встал и, отступив назад, упал на стоявшее сзади кресло. Карина поднялась, и, решив, что все кончилось, начала подбирать свою одежду. Она одевалась, а Бекхан сидел молча, раздумывая. Наконец, он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.